№4(6) | декабрь | 2010

Известия Русского Севера

ЖУРНАЛ О ЖИЗНИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Культурно - просветительное общество "Норд" 20 лет живет под девизом: "Вместе мы сможем многое - для блага горожан и славного города Архангельска!"

20 ЛЕТ ОБЩЕСТВУ "НОРД"

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Поздравляю всех членов культурно-просветительного общества «Норд» с двадцатилетием. За этот период в активе у общества много хороших дел. Но сегодня я хочу сказать и поблагодарить членов общества, а это более ста человек, за бескорыстную, добровольную работу. Общество объединило историков, краеведов, архивистов, журналистов, преподавателей, студенческую молодежь. Деятельность общества направлена на изучение краеведения, патриотическое воспитание молодежи, восстановление поморских традиций. Общество стало объединением, сохраняющим историю Поморья и отстаивающим интересы архангелогородцев. Наша общественная организация является частью зарождающегося в России гражданского общества.

Мероприятия общества «Норд» по привлечению внимания к проблемам сохранения и реставрации памятников, сохранения памяти о людях, много сделавших для нашего государства и города Архангельска, субботники, чтение лекций и многие другие дела - все это делалось от души, без обязаловки, и, естественно, без оплаты. Хорошо подметил эту особенность общества в своем поздравлении шведский ученый, профессор, избранный почетным членом общества «Норд» Александр Сергеевич Кан: «Шлю дружеский привет членам общества «Норд». Придаю важное значение вашей деятельности и разделяю ваше стремление возродить духовность российского общества, внедрить или оживить духовные ценности в самой широкой среде, в гуще населения российского европейского Севера. Эта благородная задача решалась и вновь решается интеллигенцией. Российской интеллигенции издавна было присуще бескорыстие, предпочтение духовных благ благам материальным. Интеллигенция сеет и воспитывает духовность народа и в своей повседневной службе и личным поведением, и публичными выступлениями вне службы, литературными, научными и художественными произведениями.

Работа общества «Норд» - нечто большее, чем возродившееся в последние годы краеведение. Как новый член «Норда» я готов участвовать в вашей деятельности в меру своих сил и с учетом расстояния, разделяющего нас. Желаю Вам всяческого успеха.»

Присоединяюсь к пожеланиям А.С. Кана и желаю всем членам общества и его друзьям здоровья, энергии, творческих успехов. Будем следовать нашему девизу: «Вместе мы сможем многое - для блага горожан и славного города Архангельска!»

Пусть и дальше крепчает и радует своими делами общество «Норд»!

Сергей Клочев,
председатель Добровольного культурно-просветительного
общества «Норд» с 1990 года.

ИЗВЕСТИЯ РУССКОГО СЕВЕРА
№4(6) декабрь 2010

культурно-просветительный научно-популярный журнал
выходит четыре раза в год

Учредитель: Добровольное культурно-просветительное общество «Норд»

Издатель: ЧП Клочев С.Ю.

Совет журнала:

КЛОЧЕВ Сергей Юлиевич- *главный редактор журнала, председатель культурно-просветительного общества "Норд"*

ГОРБУНОВ Александр Валентинович - *методист кафедры теории и методики предмета ГОУ "АО ИППК РО"*

КУДРЯШОВА Елена Владимировна - *доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета*

КУДРЯШОВ Юрий Владимирович - *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН*

ЛИЧУТИН Артем Вячеславович - *кандидат философских наук, редактор раздела «Экономика» ежегодника «Итоги»*

РЕПНЕВСКИЙ Андрей Викторович - *доктор исторических наук, профессор ПГУ имени М.В. Ломоносова*

ШУБИН Сергей Иванович - *доктор исторических наук, профессор ПГУ имени М.В. Ломоносова*

Содержание

Вести краеведения
Региональная власть готова поддержать поморов / Сберечь наследие веков / «Чаша раздумий» ждет своего героя / Акция «Большой круг» / Не сбрендить бы с брендами. Архангельск — это доска и треска, но без тоски / Выставка документов 3-8

Страницы истории
Адмиралы парусного военно-морского флота. Окончание (Л. Санников) 9

Из архива ДКПО "Норд"
Епархиальное училище начала XX века (воспоминания) (Н. Лидина) 11

Люди земли Поморской
Расстрелянный редактор (А. Новосёлов) 14
Человек без «классового чутья» (С. Доморощенов) 19
Год 20-летия «норда» – Год учителя (С. Коваль) 21

Соседи по Арктике
Норвежские консулы в Архангельске (1919-1940 гг.) (А.В. Репневский) 22

Имена северян на географической карте
Гидрограф (Г.Д. Смирнов) 27

История одной фотографии
Введение суда присяжных заседателей в Архангельской губернии (Е.П. Бронникова) 29

Семейная реликвия
Житие Григория Махилева (О.Б. Химаныч) 31

Архангельск в прошлом
Архангельск - город морской культуры и флотских традиций (Г.П. Попов) 36

К юбилею М. В. Ломоносова (1711-2011)
Ломоносов и мезенские полярные мореходы (Н. Окладников) 40
Талант и власть 45

К 20-летию общества «Норд»
Слово о «Норде» 46

Ученые о Русском Севере
Евразия: перспективы расширения сотрудничества (С.И. Шубин) 50

Память
Увековечить имя историка 54

Поиски и находки
Старинный весовой прибор (Карьялайнен В.Г.) 55

Маленькие истории
Развлечения соломбальцев в прошлом веке 56

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ГОТОВА ПОДДЕРЖАТЬ ПОМОРОВ

В Архангельске состоялась встреча губернатора Ильи Михальчука с руководителями поморских организаций – некоммерческого партнерства «Ассоциация поморов Архангельской области», национального культурного центра «Поморское возрождение» и региональной Национально-культурной автономии поморов.

Губернатор и поморы

Инициативы поморов нашли отклик у главы субъекта Федерации. О проблемах коренных этнических общностей Илья Филиппович знает не понаслышке: живя долгие годы в Якутии, он общался с представителями русскоустьинцев, сохранивших, подобно поморам, этническую самобытность и многие элементы древнерусской культуры. По словам губернатора, инициативы поморов вдохновляют и, «безусловно, найдут поддержку в региональном правительстве». Речь идет об общественно-государственном партнерстве.

В частности, предложено провести в Архангельске Четвертый съезд поморов (предыдущие съезды проходили в Архангельске, Умбе и Беломорске), провозгласить 2011 год – год юбилея М.В.Ломоносова – региональным Годом поморской культуры. Еще одна инициатива – создание в Летней Золотице поморского летнего лагеря для детей и молодежи. Место выбрано не случайно: расположенное на Онежском полуострове село не только очаг старинной поморской культуры, но также туристический комплекс и перевалочная база на пути к Соловкам. Вспомнили и о Поморском Новолетии, празднуемом ежегодно в середине сентября, других поморских культурных инициативах.

Председатели советов поморских организаций так оценили итоги встречи:

Сергей САМОЙЛОВ (Ассоциация поморов Архангельской области):

- Губернатор полностью поддержал все наши начинания. Те предложения, которые не требуют финансов, он поддержал полностью, остальные обещал рассмотреть. Основной лейтмотив разговора - нужно защитить права коренного населения, которое не является коренным малочисленным народом. Права последних защищены законом, хотя закон плохо действует, но это уже другая сторона проблемы. Я был на прошлой неделе в Москве, в Институте государства и права,

его сотрудники согласились помочь нам в этом направлении – разработать проекты законов, которые защищали бы не только права коренных малочисленных общностей, но и население, которое постоянно проживает здесь. Это проблема не только наша, а общероссийская: она есть на Дальнем Востоке, в Сибири – там, где дело касается ресурсов: земельных, водных. Для нас важен доступ к водным биологическим ресурсам, распределение промысловых участков, получение разрешения на рыболовство. Нам предложили и второй путь: разработка не только федерального, но и региональных законов, советовали обратить внимание на опыт Якутии. Федеральная власть часто бывает неповоротлива. В то же время у каждого региона своя специфика, которую на местном уровне можно учесть. Так что одна из главных задач – развитие законодательства в той части, которая не противоречит федеральному, работа с областным Собранием. Мы постараемся, чтобы в будущем году эти законы были приняты и начали действовать. В целом я удовлетворен встречей с губернатором. Он уделил нам достаточно много времени в выходной день, выслушал нас, внес свои предложения в развитие наших: у него более широкий взгляд на многие вещи.

Иван МОСЕЕВ (национальный культурный центр «Поморское возрождение»):

- Следующий год – год юбилея Михаила Ломоносова. Без поморов проведение Года Ломоносова было бы невозможно. Ведь Ломоносов – это продукт поморской культуры, поморской истории и поморского социума. И здесь мы получаем возможность очень конструктивно взаимодействовать с органами власти, поскольку наши интересы в этом совпадают. Мы ведь патриоты России, мы не сепаратисты, любим свой народ и Россию.

Поморы и областная власть протянули друг другу руки. Как сказал уже Сергей Николаевич, есть понимание на законодательном уровне, есть люди, которые понимают, что мы, поморы, живем в условиях Крайнего Севера, Арктики, и федеральная власть, чтобы было российское присутствие в Арктике, должна поддерживать поморские поселения.

Ведь море – это поморская вотчина, Арктику открывали и осваивали поморы, другого морского народа в Российской Арктике до поморов не было – ни норвежцев, ни голландцев. Поморы открывали Сибирь, Дальний Восток. От Ямала до Охотского моря – это все открыто поморами. Поэтому российской власти выгодно поддерживать коренное население, проживающее на Крайнем Севере, да и по всей стране. И этот вектор мы сегодня поддерживаем.

Павел ЕСИПОВ (Национально-культурная автономия Архангельской области):

- Принципиальное согласие на реализацию основных мероприятий по поддержке поморской культуры мы получили от губернатора. Сейчас готовится конкретный перечень мероприятий и проектов, которые будут реализовываться при поддержке губернатора, и, скорее всего, в ближайшие месяц-два будет виден результат, сформирована программа работы на год, с которой все смогут ознакомиться.

А. Беднов

Фото с сайта www.dvinaland.ru (Официальный информационный сайт Правительства Архангельской области).

СБЕРЕЧЬ НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

Четыре дня Архангельск был «столицей» российской археологии.

С огромным интересом заслушали доклад сотрудника петербургского Института материальной культуры Владимира Шумкина о ранних этапах заселения Европейского Севера. Почти 11 тысяч лет назад из Европы на Кольский полуостров пришли первопоселенцы – т.н. «люди Гольфстрима»: их лодочки принесло теплым течением на Крайний Север. В Беломорский регион люди проникли позже: Белое море в тот период было холодным. Повторить маршрут древних мореходов рискнул известный соловецкий археолог Александр Мартынов. С командой энтузиастов-исследователей он пересек пролив, отделяющий Карелию от Соловков, и доказал: мореплавание в Поморье насчитывает тысячелетия. Алексей Беличенко посвятил свое выступление неолитическим стоянкам Беломорья. Начальник археологического отряда ПГУ Александр Зарайченко рассказал о первопоселенцах острова Анзер: еще в конце 14-го века, до основания Соловецкого монастыря, на мысе Колгуев было сезонное поселение поморов, занимавшихся разделкой тюленьих туш: лежбище морского зверя и по сей день существует здесь.

Сохраним ли мы в целости памятники древности – это во многом зависит от законодательной базы, а она пока несовершенна, о чем говорили и участники круглого стола «Актуальные проблемы сохранения объектов археологического наследия», прошедшего в областном краеведческом музее. К сожалению, российское законодательство недостаточно эффективно в борьбе с этим злом.

В девяностые годы полномочия по охране культурного достояния были переданы в регионы. В итоге ряду субъектов Федерации эта задача оказалась просто не по карману. Но и централизация этих функций не решает проблемы. Вопрос в том, кто должен выдавать археологу открытый лист на право ведения раскопок: чиновник или научное сообщество, которое, наверное, лучше осведомлено, кому из коллег можно доверить работу «в поле», а кому – нет.

Земельное законодательство также не способствует сохранению памятников археологии. В большинстве стран застройщик сперва оформляет собственность на земельный участок, а потом строит. В России же телега поставлена впереди лошади: сначала возводится нечто, а затем земля под ним юридически обретает хозяина. В результате разрушается культурный слой, бесследно пропадают многие свидетельства глубокой старины.

Проблеме сохранения археологического наследия России была посвящена дискуссия, состоявшаяся 20 октября в областном краеведческом музее, в которой приняли активное участие ученые, представители общественных объединений, работники культуры.

В итоговой резолюции форума предложено сделать его регулярным: пусть пока не ежегодным, но не реже раза в три года. Предполагается создать Археологический центр при университете, а в дальнейшем – и собственный археологический музей.

А. Беднов

«ЧАША РАЗДУМИЙ» ЖДЕТ СВОЕГО ГЕРОЯ

Продолжается прием работ по краеведению на премию общественности Архангельской области «Чаша раздумий». Уже две работы поступило в оргкомитет: из Шенкурского района - книга Тамары Куклиной «Сердцу милый край», из Онежского района - книга Виктора Киселева «Онега, А.С. Кучин и Поморье». Знаем, что и в других районах готовятся направить на премию краеведческие работы. Горожане, как всегда, приносят свои труды в последние дни. Напомню, что прием работ происходит до 30 января 2011 г. в редакции журнала «Известия Русского Севера». В составе оргкомитета - профессор А.В. Репневский, писатель-краевед Г.П. Попов, журналисты Т.В. Овчинникова, А.В. Беднов, архивист Т.В. Титова и другие активные и компетентные люди. К оценке работ привлекается большой актив из ученых Поморского университета.

Культурно-просветительное общество «Норд» и оргкомитет премии «Чаша раздумий» учредили постоянную номинацию: «За лучшую публицистическую краеведческую книгу». В этой номинации будет присуждаться специальная премия имени Е.И. Овсянкина. Это будет нашей памятью историку, автору многих замечательных краеведческих работ, который долгое время возглавлял оргкомитет «Чаши раздумий».

С. Клочев

АКЦИЯ «БОЛЬШОЙ КРУГ»

В конце октября в городах Котлас и Коряжма прошли мероприятия акции «Большой круг». Они включали обсуждение проекта областного закона «О взаимодействии органов государственной власти Архангельской области и некоммерческих организаций», которое прошло очень активно, высказано много новых предложений по совершенствованию проекта закона. Также к котлошанам и коряжемцам приехали артисты, представляющие региональную общественную организацию «Совет национальностей г. Архангельска и Архангельской области». Все концертные номера прошли под бурные аплодисменты зрителей. Джаваншир Казымов покорил зрителей виртуозной игрой на азербайджанских струнных национальных инструментах - таре и сазе. Заслуженная артистка Архангельской национально-культурной автономии «Украинцы России» Галина Бойко порадовала присутствующих прекрасным исполнением украинских песен под аккомпанемент звонких струн бандуры. Молодёжная группа «Клякса» в составе Анны Акимовой и Марии Меликовой «на ура» исполнила еврейские песни и композиции. Не оставили никого равнодушными и стихи армянской поэтессы Жанны Беликовой, заставляющие задуматься о том, в каком хрупком мире мы живём и как важно его беречь. Приезжих артистов активно поддержали и местные творческие коллективы.

А перед концертами показали видеофильм об акции «Большой круг» и подарили библиотекам комплекты книг, собранные Архангельской региональной еврейской национально-культурной автономии и землячества Ненецкого округа «Тосавэй». Среди основных мероприятий акции необходимо назвать проведение в школах области уроков толерантности, областного творческого конкурса учащихся начальных классов «Люди разные - это хорошо». Главной целью акции является активизация взаимодействия органов власти с национально-культурными объединениями, знакомство жителей области с их самобытной культурой и обычаями, а в конечном итоге всё это направлено на дальнейшее совершенствование национальной политики в области.

Н. Матафанов

НЕ СБРЕНДИТЬ БЫ С БРЕНДАМИ

АРХАНГЕЛЬСК — ЭТО ДОСКА И ТРЕСКА, НО БЕЗ ТОСКИ

Как позиционировать Архангельскую область, чтобы она стала привлекательной для туристов? Об этом речь шла на конференции, организованной региональным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Казалось бы, праздный вопрос. Сколько в нашем регионе прекрасных памятников — Соловки, Сольвычегодск, музей в Малых Корелах. Да только поток желающих воочию увидеть красоты края пока невелик. Да и Соловецкое чудо воспринимается как жемчужина в короне соседней Карелии, ибо добираться туристы предпочитают через Кемь, а бойкие туроператоры республики и рады, выпускают буклеты, где архипелаг включен в число карельских достопримечательностей.

Надо искать бренды — те образы, по которым Архангельскую область будут узнавать в России и мире. До недавнего времени поиски велись «методом тыка»: то снеговик, то лапти как...символ области (а ведь поморы испокон веку ходили в кожаной обуви). В районах чудили еще похлеще: например, собирался провозглашать Вельск родиной фуфайки!

Наконец, родилась идея — обозначить Поморье как «край северной сказки». Замечательно – и детям, и взрослым придется по душе! Вот только проекты, связанные со сказочными персонажами — Бабой-Ягой и Иваном-дураком, что-то не больно развиваются. Тем более что персонажи — общерусские, так что пока земляки обсуждали, насколько "политкорректно" прописывать в области нечистую силу, ушлые ярославцы «увели» бабку-ведьму, как до того устюжане — Деда Мороза. Впрочем, в селе Кукобой Ярославской области Яга что-то не прижилась — и теперь опять появилась возможность поселить ее в нашем крае. Писатель Александр Тутов вновь готов засучить рукава, "вдарить" по клавиатуре компьютера — дело за поддержкой со стороны власти и бизнеса. А они пока что не торопятся.

А как с нашими поморскими сказочниками? Тоже пока дело тормозится. В девяностые реконструировали дом, где жил Борис Шергин, спустя лет десять отдали дом некоей конфессии. Мемориальная доска пропала! И теперь ничто не напоминает о великом земляке-сказочнике. Поставили памятник Писахову и его герою Сене Малине — и их успели

А птичка "улетела"

«обкорнать»: кому-то позарез понадобились лямки с Сениной шапки и чайка с головы его создателя. Давно подумывают об увековечении в городе Робинзона Крузо: согласно второй книге культового романа Даниэля Дефо, знаменитый путешественник побывал в Архангельске, проведя тут шесть недель — и аккурат в дни городской ярмарки. Только вот кабы не изувечили и Робинзона; еще чего доброго отломают попугая с плеча. А тем временем Тобольск персонажа уже за собой застолбил — там Робинзон зимовал несколько месяцев... Да что там говорить: иные регионы уже и поморскую щепную птицу норовят присвоить себе. Куда ни кинь, всюду клин.

Так что пока главным брендом области и города остается Маргаритинская ярмарка. Некогда с инициативой выступили общественники-энтузиасты — тот же писатель Александр Тутов да журналист Иван Мосеев. Тогда власть подхватила идею — и вот уже десять лет Архангельск манит к себе гостей, российских и заморских. Широко и весело торгует ярмарка. Спасибо областной и городской власти, тогдашней и нынешней, что не отмахнулась от полезного начинания. Такую бы поддержку и Поморскому Новому году: ведь нигде более в России не празднуют Новолетие, нигде так не сплетается народная традиция и новация. Следующий год по древнерусскому календарю — 7510-й. Круглую дату надо встретить достойно. Надеемся, будет на этот раз внимание со стороны властей. Тем более что перед глазами успешный пример возрождения в новом качестве славной Маргаритинки. Город, где Новый год два раза в год! Чем не бренд?

Пока же с «брендированием» области дела обстоят ни шатко ни валко. Лишь Маргаритинка делает лицо города в глазах гостей подлинно самобытным. Один из участников конференции даже предложил полушутя-полусерьезно сделать символом области пресловутые «доску, треску и тоску». Можно, конечно, «прикалываться» и дальше: например, взять за основу пословицу из словаря Владимира Даля: город Архангельский, да народ в нем диавольский. А как еще назвать тех, кто глумится над Писаховым? Но лучше сделать так, чтобы из «трехчленной формулы» остались доска и треска, а тоска навсегда ушла в прошлое.

А. Беднов

ВЫСТАВКА ДОКУМЕНТОВ

В Государственном архиве Архангельской области проходит выставка документов «Архангельское общество Красного Креста. 1876 – 1945 гг.», посвященная 120-летию учреждения в г. Архангельске общины сестер милосердия. Представленные на выставке документы рассказывают о большой работе по организации медицинской помощи среди рыбопромышленников Мурманского берега, организации и работы в 90-х годах Х1Х века по подготовке медицинского персонала на случай войны. Из документов периода 1919 - конца 1920-х гг. вырисовывается картина самоотверженной помощи членов организации Красного Креста пострадавшим от военных действий «красных» или «белых», о борьбе с социальными болезнями и росте численности своих сторонников. Последний раздел характеризует работу организации в период с 1930 по 1945 годы. Документы военных лет рассказывают об участии дружинниц и активисток Красного Креста в перевозке раненых бойцов на специальных санитарно-транспортных судах, о школьной и организационно-массовой работе, о ходатайстве к награждению значком «Почетный донор СССР». Выставка документов подготовлена главным специалистом отдела публикаций и использования документов государственного архива Архангельской области Е.О. Студенцовой.

АДМИРАЛЫ ПАРУСНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

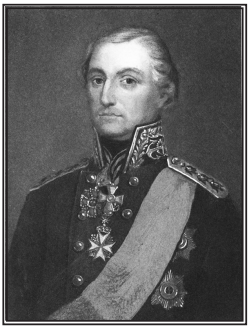
ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО В НОМЕРАХ № 1, № 2, № 3 ЗА 2010 г.

Ушаков Федор Федорович (1745-1817гг.), адмирал (1799 г.), исследователь восточного побережья Северного Ледовитого океана. В 1766-1767 гг. на пинке «Наргин» перешёл из Кронштадта в Архангельск, доставив снаряжение и экипажи для строящихся кораблей, затем вернулся обратно. Участвовал в 1-й АЭ. С 1783 г. служил на Черном море, с 1790 г. командовал Черноморским флотом, в 1798-1800 гг. руководил Средиземноморским походом кораблей Черноморского флота, одержал победы при штурме крепости Корфу (1799 г.), а еще раньше, в Кереченском морском сражении (1790 г.), у острова Тендра и у мыса Киликрия (1790 г.). С 1802 г. – на Балтике, с 1807 г. – в отставке.

Лит.: Тарле Е.В. Ушаков на Средиземном море // Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. М., 1956; СИЭ. М., 1973. Т.14. С.921; СВЭ. М., 1980. Т.8. С.242; Скритский Н.В. СЗФР. М., 2000. С.206-219; Военный орден Св.Георгия… Архангельск. 2007. С.65.

Ханыко Петр Иванович

(1743-1812 гг.), адмирал (1799 г.). В 1760 г.- гардемарин, в 1760-1762 гг. служил на Балтике, в 1763-1765 гг. находился в командировке в Англии. В 1-й АЭ плавал на «соломбальцах», «Три Святителя», «Святослав», «Ростислав», «Победа», участник сражения при Чесме (1770 г.), блокады Дарданелл. В 1778 г. в Архангельске принял и перевел на Балтику линкор «Твердый». В 1783-1785 гг. служил на Каспии, затем на Балтике, участвовал в Ревельском и Выборгском (1790 г.) сражениях, командовал эскадрами на Балтике, был Главным командиром Кронштадтского порта.



Лит.: Доценко В.Д. СБМ. СПб., 2000. С.402; Скрицкий Н.В. СЗФР.М., 2000. С.226-231; Он же. РА. М., 2003. С.413-415; Военный орден Св. Георгия… Архангельск, 2007. С.66.

Хметевский Степан Петрович

(1730-1790 гг.), контр-адмирал (1779 г.). Неоднократно совершал переходы из Кронштадта в Архангельск и обратно: 1747-1749, 1765 гг., в 1778 г. перевел эскадру. В 1-й АЭ, командуя флагманом в эскадре Д.Эльфинстона – «Три Святителя», участвовал в Хиосском сражении (1770 г.). В 1771-1775 гг. крейсировал на Средиземном море, затем служил на Балтике. С 1780 г. – в отставке.

Лит.: Доценко В.Д. СБМ. СПб., 2000. С.404; Скрицкий Н.В. РА. М., 2003. С.416-417; Военный орден Св.Георгия… Архангельск. 2007. С.67.

Хрущев Степан Петрович

(1791-1865 гг.), адмирал (1855 г.), член Адмиралтейств-Совета. Неоднократно прибывал из Кронштадта в Архангельск, принимал корабли и эскадры, командовал ими при переводе на Балтику. Участник 3-й АЭ, боя в Наварино (1827 г.). В марте

1828 г. принял от А.П.Лазарева линкор «Азов», участвовал в блокаде Дарданелл, привел корабль на Балтийское море. В 1832 г. снова в Архангельске – командир линкора «Память Азова» и отряда кораблей, командовал их переводом на Балтику. С 1838 г. – начальник штаба Черноморского флота, с декабря 1854 г. по 1857 г. - архангельский военный губернатор и Главный командир Архангельского порта (вступил в должность 28.01.1855 гг.).

Лит.: МЭС. СПб., 1994. Т.3. С.367; Доценко В.Д. СБМ. СПб., 2000. С.407; Адриенко В.Г. До и после Наварина. М.–СПб.. 2002.С.467; Военный орден Св.Георгия… Архангельск, 2007. С.66, 213.

Чичагов Василий Яковлевич (1726-1809), адмирал (1782 г.), полярный исследователь, член Адмиралтейств – Совета (1775 г.), помощник, затем Главный командир Архангельского порта (1768-1770 гг.). На флоте с 1742 г. В 1765 г. и 1766 г. – начальник экспедиции для отыскания морского пути из Архангельска через Северный Ледовитый океан в Северную Америку, а затем через Берингов пролив – на Камчатку. Экспедиции из-за тяжелых льдов вернулись в Архангельск. В русско-турецкую войну 1768-1774 годов первоначально командовал кораблями, оборонявшими Керченский пролив, а затем четвертой эскадрой в 1-й АЭ. В 1782-1784 гг. еще раз ходил с эскадрой на Средиземное море. В 1788-1790 гг. командовал Балтийским флотом в войне со Швецией, с 1797 г. – в отставке. С 1802 г. вновь на службе – морской министр.

Лит.: Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. М., 1956. С.114; СИЭ. М., 1976. Т.16.С.67; СВЭ. М., 1980 Т.8. С.482; Попов Г.П. Ногою твердой стать при море… Архангельск, 1992. С.318; МЭС. СПб., 1994. Т.3. С.322; СВЭ.М., 1980. Т.8. С.482; Скрицкий Н.В. СЗФР. М., 2000.С.137-142; Военный орден Св.Георгия… Архангельск, 2007. С.69.

Эльфинстон Джон (1720-1771гг.), контр-адмирал (1770 г.). В 1-й АЭ командовал второй эскадрой, полностью состоящей из кораблей – «северян». Адмирал рискованно действовал против превосходящих в два раза сил турок в море и Навплийской бухте (у крепости Наполи – ди Романья) (май 1770 г.). Эскадра участвовала в Хиосском и Чесменском сражениях (1770 г.), затем крейсировала с целью блокады у Дарданелл. В апреле 1771 г. отозван в СПб и уволен в отставку.

Лит.: Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. М., 1956. С.50, 58, 67; Скрицкий Н.В. РА. М., 2003. С.456.

Юхарин Павел Матвеевич (1800-1876 гг.), адмирал (1871 г.). В 1816-1821 гг. служил на Балтике. В 1822-1824 гг. дважды, затем еще трижды переходил из Кронштадта в Архангельск и переводил обратно корабли на Балтику, в 1826-1828 гг. участвовал в описи Мурманского берега, после служил на Черном море. Участник Крымской войны (1853-1856 гг.).

Лит.: Доценко В.Д. СБМ. СПб., 2000. С.437; Скрицкий Н.В. РА. М., 2003.С.462; Военный орден Св.Георгия… Архангельск, 2007. С.73.

Л.Санников

ЛИДИНА Нина Димитриевна *(21.01.1903 –11.09.1996.) Родилась в Архангельске, в семье дворянина Дмитрия Владимировича Лидина, служащего Духовной консистории. Окончила Педагогический институт народного образования. В 1923 году по распределению была направлена в Мезень, где работала учителем русского языка и литературы, играла в местном любительском театре. В театре же познакомилась со своим будущим мужем - тогда зам. секретаря укома ВЛКСМ Шульгиным Клавдием Ивановичем. 3 июня 1938 года она была арестована за недоносительство на мужа. 7 июля осуждена Особым совещанием НКВД Архангельска на 5 лет лагерей. Прошла лагеря Караганды и Соликамска с кличкой ЧСИР (член семьи изменника Родины), валила лес, переболела малярией. Нина Димитриевна вышла из лагеря в 1943 году. Вернулась в Архангельск и устроилась на учительскую работу по специальности. Работу учительскую очень любила. Была исключительно грамотным, начитанным и интеллигентным человеком. Для своих потомков оставила интересные мемуары. В 1958 году она и ее муж были реабилитированы.*

ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

(ВОСПОМИНАНИЯ)

В епархиальном училище получали среднее образование в основном дочери духовенства. Аттестат о его окончании давал право на звание учительницы начальных классов. В Архангельской губернии было одно такое училище, поэтому в Архангельск родители привозили девочек из самых удаленных мест. Училище, с его хозяйственными постройками, садом, размещалось там, где сейчас находится АЛТИ. Классные комнаты, спальни, столовая, актовый зал, раздевалки и церковь занимали три двухэтажных дома и один одноэтажный.

Существовало распространенное прозвище епархиалок - репки. По преданию, прозвище это закрепилось за ними вот по какому случаю: какой-то добрый благодетель привез затворницам большой мешок репы, поставил его в коридор. Какая-то девица подсмотрела это, рассказала подругам, и все они побежали и расхватали репку. Пришел хозяин - репки-то и нет.

В первый класс принимали девочек, окончивших три класса приходской школы. Попав в незнакомый город, совсем к чужим людям, расставшись с родителями, бедняжки сначала горько плакали, но потом, конечно, привыкали. Главой училища в начале 20 века была Фелицата Иосифовна Карелина. Была она невысокого роста, очень худощавая, и было удивительно, как такое невзрачное на вид существо держит в повиновении и глубоком уважении большой коллектив детей, учителей, обслуживающий персонал. Она никогда не кричала ни на кого, не повышала голоса, но я уверена, что не было не свете такой девочки, которая могла бы не послушаться её, ответить непочтительно.

К каждому классу прикреплялась воспитательница. Она должна была быть незамужней и лишалась должностей, если у неё появилась возможность выйти замуж. Воспитательница, приняв первый класс, оставалась

с девочками до окончания ими училища. Работа воспитательницы была очень трудной, ответственной. Девочек в классе так много, все разные, всем требуется помощь в учебе, все нуждаются в ласке и участии. Если начальница была строгой, то её помощник, отец Аркадий Кириллов, был необычайно добрым и ласковым, постоянным заступником тех, кому грозило наказание.

Обучение, воспитание детей - все велось по строгому плану: утром шли умываться, пить чай, гулять в саду, после трех уроков - завтрак, потом - два урока, прогулка в саду, обед, приготовление уроков, ужин и сон. С внешним миром епархиалки не общались: строго запрещалось даже подходить к калитке и смотреть в окна. А смотреть хотелось: ведь мимо проходили молодые семинаристы. Тогда делали так: одна из девочек стояла у двери и караулила, а другие разглядывали в окна, не идут ли знакомые юноши. У многих девочек ведь были братья -семинаристы. Через них и велись знакомства.

Существовал подпольный альбом. В нем девочки (многим уже было по 16-17-18 лет) писали стихи, посвященные какому-то знакомому, потом этот альбом тайком переправлялся в семинарию, и там уже молодые люди писали посвящение своим избранницам. Писали и письма. Все эти недозволенные дела совершали девочки, которые не жили в общежитии, а жили с родителями в городе. Ведь в училище учились девочки и не из среды духовенства. Их называли приходящими. Если у этих девочек были деньги, то они покупали картинки в альбом, открытки, книжки, ленты в косу (две косы иметь не резрешалось). Чтобы никто не мог выделяться и показывать, что он состоятелен, все ученицы одевались одинаково: платье из простого темно-серого материала особого покроя, черный сатиновый передник, перелинка, черные чулки и простые ботинки. В праздничные дни полагалось иметь коричневое шерстяное платье, шерстяной черный передник, батистовую перелинку, кружевной воротничок и манжеты.

Учительский коллектив в училище был почти весь из преподавателей семинарии. В произведениях многих писателей, рассказывающих о школах прошлого, учителя часто рисуются то пьяницами, то чудаками, то совсем не знающими свой предмет, но у нас в училище таких типов не было. Во-первых, никто не приходил на урок пьяным или неряшливо одетым (учителя носили форму), все были с высшим образованием, учениц звали на "вы",т.е. так, например: госпожа Иванова, расскажите, пожалуйста, биографию Грибоедова. Иногда, конечно, получалось смешно: госпожа вставала и ничего не знала. Очень любили все Ивана Алексеевича Утрецкого - преподавателя литературы в старших классах. Почти все преподаватели были мужчины, и только уже незадолго до революции появились женщины: Таратина и Прялухина.

Изучая науки, девочки получали религиозно-нравственное воспитание. Без молитв ничего не делалось: молились утром, молились перед едой, перед сном. Во все праздничные дни ходили к всенощной и литургии, в Великий пост говели, исповедовались и причащались. Помещение в церкви было небольшое, очень уютное, красиво украшенное. Девочки помогали священнику вести богослужение: подавали кадило, читали за псаломщика, пели в хоре. На уроках Закона Божия и в беседах со священником, своим наставником,

познавали все премудрости религиозного учения. Церковь была основана в честь Казанской Богоматери, поэтому в день памяти этого образа устраивалось торжественное богослужение, все девочки были, конечно, в праздничной одежде. У каждого учебного заведения был покровитель из купцов, который в праздники посылал ученикам разные сладости. У епархиалок тоже был, по современному выражению, спонсор. Это была купчиха и владелица завода Кыркалова. После торжественной службы был очень сытный обед и раздавались мешочки со сладостями.

Училище старалось приготовить девочек к будущей их жизни, чтобы из них вышли хорошие помощницы мужьям и заботливые матери детям. Девочки дежурили в кухне и столовой, занимались на уроках рукоделия шитьем, вязанием, вышиванием, в последнем классе девушки учились шить даже подрясники.

Чтобы семинаристы могли приглядеть себе будущую попадью, устраивались по соглашению начальства семинарии и училища вечера. Семинаристы приходили в училище, а девушки - в семинарию. Сначала устраивался концерт, а потом игры-хороводы с пением. Всё это, конечно, происходило под присмотром воспитателей. Танцы не разрешались. Ведь тогда бы девушке надо было обниматься с парнем. Такой вольности, конечно, строгие воспитатели допустить не могли. Семинаристам ещё удавалось посмотреть на девиц, когда их водили в семинарию смотреть и делать опыты по физике. Дело в том, что в училище не было своего физического кабинета.

Как и во всех женских закрытых учебных заведениях, процветала игра в "любимки". Состояла она в том, что какая-либо девушка, обыкновенно младшего класса, влюблялась в более старшую и начинала писать ей письма с объяснением в любви, посылала подарки (у многих девочек были деньги) в виде открыток, лаковых картинок. В конце письма обычно стояло: целую миллион раз, твоя до гроба Таня или Маня. Влюблялись девушки и в учителей. Вкусы тут разделялись: литераторы обожали Утрецкого, историки - Гранделевского, художницы - Желтоногу, певицы - Поликина и т.д. Старшие девочки, все без исключения, были влюблены в химика Сперанского. Поклонницы старались порадовать своего кумира отличными знаниями его предмета.

С художественным воспитанием дело обстояло плохо. Существовал только урок пения. Пели под игру преподавателя на физгармонии. Это был единственный музыкальный инструмент, который с великим трудом дежурные перетаскивали из класса в класс. Физическое воспитание тоже не было полноценным. Уроков физкультуры не было. Всё ограничивалось тем, что была два раза в день прогулка.

В рождественские праздники устраивалась ёлка для тех девочек, которые не уехали домой на каникулы. Ёлка стояла в актовом зале, хорошо украшенная, девочки одевались в парадную одежду. Обычно воспитатели подготавливали маленький концерт. В последний год поставили даже сценку на французском языке.

Кончавшие училище девушки часто были старше по возрасту современных выпускниц школ. Тогда в школу в городах поступали с 8 лет, а в глухих деревнях и с 10 лет. Случалось, сидели по два года в одном классе, и не по одному разу - бывало такое «сидение».Так что выпускницы епархиального училища были вполне готовы к семейной жизни.

НОВОСЁЛОВ Альберт Иванович *- журналист, родом из села Койда Мезенского района Архангельской области. Работал в газете Мезенского, Лешуконского, Плесецкого районов (1958-1984) и в областной газете «Правда Севера» (1984-2008). При написании очерка работал с материалами в архиве Архангельского регионального управления ФСБ.*

РАССТРЕЛЯННЫЙ РЕДАКТОР

Репрессии против врагов государства неизбежны в любой стране, при любом строе, при любом правителе. Трагизм сталинских репрессий в том, что по заведомо сфабрикованным тогда «делам» страдали и гибли безвинные. Ныне большинство жертв произвола реабилитировано. Но это лишь часть сложного процесса возврата к справедливости и законности. Доброе имя каждого без вины пострадавшего человека необходимо восстановить в сознании общества, оставить в памяти ныне живущих и будущих поколений.

5 ноября 1937 года состоялся третий пленум Архангельского обкома ВКП(б), на котором присутствовал секретарь ЦК А.А. Андреев. Именно он объявил о предстоящей расправе над обкомом партии и всей партийной организацией области. Так, из 62 членов обкома партии были репрессированы 52.

Расправа готовилась в Москве после февральско-мартовского пленума ЦК и после того, как 27 февраля были арестованы «наёмные убийцы, вредители и диверсанты, находящиеся на службе фашизма», Бухарин, Рыков, а позднее еще 19 видных большевиков. И в их числе Владимир Иванович Иванов, нарком лесной промышленности СССР, а ранее - первый секретарь Северного краевого комитета партии, любимец архангельских партийцев. Иванову и выпала зловещая роль в судьбе областной партийной организации. После ареста он якобы «сознался» во всех выдуманных следствием преступлениях. И хлынул новый вал репрессий. 21 октября был вызван в Москву и 3 ноября (по другим сведениям, сразу же, прямо в вагоне поезда) арестован «за вредительство, за связь с реставраторами капитализма Бухариным и Рыковым, с антисоветским правотроцкистским центром» первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Дмитрий Алексеевич Конторин. Все, с кем работал (а работал он в Архангельске с 1928 года), автоматически попадали в разряд пособников «разоблачённого врага народа».

В числе самых первых жертв оказался и редактор «Правды Севера» Н.И. Сидоренко.

ЖИЗНЬ И КАРЬЕРА

Что за человек был Николай Ильич Сидоренко, как сложилась его жизнь и судьба? Родился он 26 октября 1903 года в украинском селе Покровское, тогда Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (позднее Донецкая область). Три года Николай учился в приходской школе, в 16 лет закончил Бахмутскую мужскую гимназию. «Учился и помогал семье, имея уроки», - пишет он в автобиографии. Уже тогда проявилась в нём любовь к чтению, к языку. В 1920 году становится литературным сотрудником «Бахмутской правды», потом газеты «Кочегарка». Так началась его журналистская, творческая работа. Но то было время массового призыва молодежи в бурно развивающуюся промышленность. И комсомол направ-

ляет Николая в Юзовку на рабфак, после которого он трудится подручным слесаря на металлургическом заводе и еще год электромонтером на руднике. Здесь образованный, инициативный комсомолец вступает в партию. В ноябре 1925 года – призыв в армию, в пограничные войска ОГПУ. Прослужив всего полгода, был демобилизован по болезни, работал заведующим клубом в Артёмовске (бывшем Бахмуте).

Казалось бы, накоплен уже немалый жизненный, практический опыт, да и все дороги открыты. Но побеждает возникшая еще в гимназии тяга к науке, и Николай в 24 года резко меняет жизнь, поступив на литературный факультет Северо-Кавказского университета в Ростове-на-Дону. Здесь и находит он своё истинное призвание. В 1933 году Николая Сидоренко командируют на учебу в Москву, в Институт красной профессуры. Здесь он получает специальность литературоведа-критика. И, как обычно, все три года учебы сотрудничает в журналах, преподает литературу в Коммунистическом институте журналистики и в Высшей школе пропагандистов, работает старшим редактором в Учпедгизе. Образно говоря, Москва делает из него высококвалифицированного партийного работника и деятельного ученого.

РЕДАКТОРСТВО В АРХАНГЕЛЬСКЕ

ЦК ВКП(б) в августе 1936 года направляет Николая Ильича Сидоренко в Архангельск, в распоряжение Северного краевого комитета партии, который направляет учёного преподавателем литературы и заведующим учебной частью педагогического института, назначает его одновременно редактором местного партийного журнала «Большевистская мысль», вводит в редколлегию литературного журнала «Звезда Севера». А 14 марта 1937 года бюро краевого комитета ВКП(б) назначает его редактором «Правды Севера». Первый номер, который он подписал, вышел 18 марта. Знал бы он, что ему предстоит впереди!

Не будем сомневаться – знал и понимал, что работа в газете отличается от работы в журнале. Прежде всего, суровой политической ответственностью. Только что завершён февральско-мартовский пленум ЦК, исключивший Бухарина и Рыкова из партии. Кругом «враги народа». Уже 17 марта бюро крайкома рассматривает вопрос о «совершенно неудовлетворительном» разъяснении в газете материалов. В решении записано: «Обязать редактора тов. Сидоренко сделать выводы и исправить допущенные ошибки в освещении партийной жизни, развернуть на страницах газеты беспощадную критику всех нарушений устава партии и извращений внутрипартийной демократии…».

Да, приходилось делать выводы…

Если сегодня полистать подшивку газеты за 1937 год, оценить работу редактора как организатора коллектива на выполнение поставленных перед газетой задач, можно однозначно утверждать: он был умелый организатор. Газета была живой, энергичной, делалась с любовью, журналисты работали с энтузиазмом.

Ведь несмотря на репрессии, никто не снимал с печати главной задачи газетчиков, работающих в партийном органе, – своими публикациями мобилизовывать коллективы на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства, способствовать коммунистическому воспитанию людей. И это требовало оперативности, профессионального мастерства, творческого осмысле-

ния фактов, правдивого отражения событий, партийности, наконец, то есть служения делу, которым занят народ, – созиданию ради будущей счастливой жизни. Именно так понималось укрепление пролетарского государства, строительство социализма и коммунизма, такой была и роль печати.

И в течение более восьми месяцев 37-го всю полноту ответственности за работу редакции, за политическую линию областной газеты нёс редактор Н.И. Сидоренко.

14 июня он избран членом обкома, 5 октября – членом бюро.

ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ

Рабочая обстановка как внутри редакции, так и вне ее была чрезвычайно сложной, напряжённой и нервной. Непрерывная административная перекройка (Северный край сменила Северная, а затем, 23 сентября, Архангельская область) и соответствующая ей перестройка партийных органов меняла и территорию действия журналистов (отделение от края Коми АССР, затем Вологодской области), и местные кадры, с которыми приходилось им общаться, тем более в условиях непрерывной замены, поскольку повсюду органы находили «врагов народа». В обстановке всеобщей подозрительности ни одно действие нового руководителя коллектива не обходилось без критики то в кулуарах редакции, то на партийных собраниях, а то и в обкоме партии.

О некоторых эпизодах рассказывали в 1956 году, когда пересматривалось «дело» Сидоренко на предмет реабилитации, сотрудники «Правды Севера» Григорий Яковлевич Пронин и Александр Ефимович Яхлаков.

Пронин (в 56-м ответственный секретарь «Правды Севера»): «С 1934 года по 37-й я работал заместителем заведующего партийным отделом редакции и был секретарём парторганизации. Редактор Сидоренко показал себя как политически, так и общеобразовательно грамотным членом партии, в работе проявлял напористость, требовательность и боролся за качество каждого номера газеты. Как-то он вызвал ответственного секретаря редакции Балдакова с планом очередного номера. План его не удовлетворил, и к тому же ответсек был выпивши. И редактор его тут же уволил. Я написал заявление на бюро Севкрайкома по этому поводу. Бюро признало правоту редактора, и на этом вопрос посчитали исчерпанным».

Яхлаков (в 37-м заведовал отделом строительства в «Правде Севера», был одним из самых безжалостных разоблачителей «вредительских действий» партийных работников Вологды, Котласа, сгинувших вскоре в молохе репрессий; в 56-м заведующий отделом советского строительства в газете «Советская Молдавия», жил в Тирасполе): «Редактор Сидоренко перевел меня на отдел «обзоры печати» за то, что я покритиковал его за отказ развернуть кампанию по спасению замороженной в реках сплавной древесины. И я написал письмо лично Сталину, так как считал этот вопрос принципиальным. Разбирались уполномоченный Комитета партийного контроля Войтенко и партследователь Селезнёв. Правым признан редактор».

Принципиальность и требовательность, умение организовать работу коллектива в тот неимоверно сложный для всякого ответственного работника год характеризуют Н.И. Сидоренко как опытного, зрелого, глубоко понимающего людей партийного руководителя. Уверенно

принимаемые им жесткие решения говорят о сильной воле и убеждённости в своей правоте. Ни тени сомнения не было у него и в верности сталинской политики, ведь страна бурно, невиданными темпами развивалась, строилась, жизнь людей улучшалась, плоды индустриализации, культурной революции были на виду у всех, да и репрессии подавались партийной пропагандой как очищение партии от тех, кто мешает этому невиданному росту новой жизни.

Прозрение придет к нему позже, в трагические последние месяцы и дни его короткой жизни.

АРЕСТ, СЛЕДСТВИЕ, СУД

Третий пленум Архангельского обкома 3–5 ноября освободил от обязанностей первого секретаря Д.А. Конторина и утвердил исполняющим обязанности первого секретаря А.Ф. Никанорова. «Правда Севера» 10 ноября опубликовала об итогах пленума статью «Боевые задачи областной парторганизации». Вот абзац из неё: «Факт, что даже наша областная газета «Правда Севера» из боевого партийного органа была превращена быв. редактором газеты Сидоренко в подхалимский листок. И поэтому «Правда Севера» и её редактор Сидоренко проявляли полнейшую бездеятельность в борьбе с врагами народа».

За словами о подхалимстве и бездеятельности подразумевалось отсутствие в газете критики в адрес объявленных «врагами» Конторина и других работников аппарата обкома. И самое главное – Сидоренко, выступая на пленуме, проявил честность, благородство и твердость и не назвал ни одного «врага народа».

Арестовали Николая Ильича 20 ноября. В справке четвёртого отдела Управления госбезопасности по Архангельской области на арест говорилось: «Материалами следствия по делу ликвидируемого правотроцкистского подполья в г. Архангельске установлено, что бывший редактор газеты «Правда Севера» Сидоренко Н.И. является активным участником

Н.И. Сидоренко
(фото 1937 года с удостоверения члена обкома ВКП(б) Северной области)

контрреволюционной организации правых…, вёл работу по разложению рабкоровских кадров и не допускал к печатанию материалов, разоблачающих вредительскую деятельность участников организации. Подлежит привлечению к ответственности по ст. 58-10 и 11 УК РСФСР».

Мы не знаем обстоятельств следствия, но можно утверждать, что Николай Ильич с самого начала держался мужественно, стойко и отвергал клевету. Вот что он говорил на одном из допросов 31 января 1938 года:

«Виновным себя не признаю. В организации правых я никогда не был. Контрреволюционных связей с правыми не имел. О вредительстве знаю из материалов, поступавших в газету. В лесной промышленности – плохое использование механизмов,

задержки выплаты зарплаты, плохие бытовые условия рабочих и как следствие – срыв плана лесозаготовок. В сельском хозяйстве – линия на дискредитацию колхозного строя путем административного произвола по отношению к колхозникам, в торговле – затоваривание, хищения, растраты, дезорганизация всей торговой сети. Я не понимал, что этих фактов достаточно, чтобы разоблачить правых как вредителей. Но критики в адрес Конторина и других в редактируемой мной «Правде Севера» не было. Я категорически отрицаю, что получал какие-либо контрреволюционные указания от Конторина и других. Я не глушил сигналов против правых, так как их не было. Признаю себя виновным в бездеятельности в борьбе с врагами Советской власти».

Но бывшие и воображаемые троцкисты, бухаринцы и другие «правые» (прежде всего те, кто «признался») не могли рассчитывать на снисхождение, тем более на освобождение. 7 марта 1938 года Н.И. Сидоренко предъявляют новое обвинение, уже по «расстрельной» статье 58-8. Якобы он «входил в право-шпионскую организацию, созданную по заданиям центра правых в бывшей Северной области. Контрреволюционная организация стояла на позициях террора и вела подготовку к совершению террористических актов против вождей ВКП(б) и членов Советского правительства». Ведь в этом только что, 3 марта, признался на открытом судебном процессе «бухаринцев» сам бывший секретарь Севкрайкома В.И. Иванов!

Николай Ильич на немыслимое, нелепое обвинение ответил твердо: «Виновным в том, что стоял на позициях террора, я себя не признаю».

Но… всё уже было решено: терроризм карался смертью. 22 апреля трое военных юристов Военной коллегии Верховного суда СССР приговорили Николая Ильича Сидоренко «к высшей мере уголовного наказания – расстрелу». Расстрелян в тот же день, как и многие другие жертвы этой «тройки».

РЕАБИЛИТАЦИЯ

В 1932 году Николай Ильич женился. Ида Павловна Рохлина была дочерью кустаря-портного в Артёмовске, стала библиотекарем и в Архангельске заведовала областной научной библиотекой имени Добролюбова. В конце 1955-го из города Кривой Рог от нее поступает заявление «главному военному прокурору СССР» с просьбой пересмотреть дело мужа. «Возможная реабилитация, пишет она, снимет тяжёлое пятно с моей дочери. Она только что вступила в трудовую жизнь, а как тяжело начинать жизнь, будучи дочерью «врага народа»… Ее отец никогда ни в каких оппозиционных группировках не был, никаких взысканий партийных не имел. Скромный, до щепетильности честный человек, комсомолец с 20 года, горячо любящий свою Родину и своё дело – науку, которой он себя всецело отдавал, не мог быть врагом народа, поставившего его на ноги, давшего осуществить мечту всей его жизни – заняться наукой».

Началась тщательная проверка дела и прежде всего обоснованности обвинений. Как оказалось, никаких фактов, подтверждающих вину Сидоренко, у следствия в 1937–1938 годах не было. Так же как их не было и у Архангельского обкома, который исключил его без всяких оснований из членов партии через два дня после ареста «как разоблачённого врага народа».

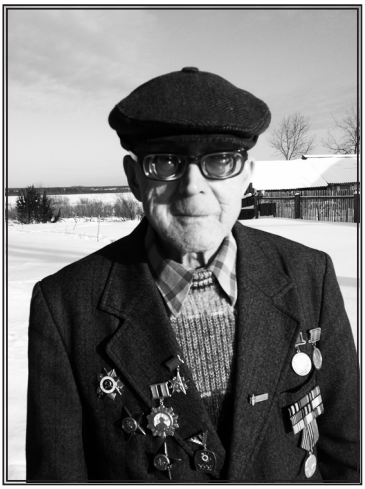
1 сентября 1956 года приговор отменён «за отсутствием состава преступления».

ЧЕЛОВЕК БЕЗ «КЛАССОВОГО ЧУТЬЯ»

С дотошностью и страстью ученого занимается Александр Тунгусов краеведением. В 91 год он выпустил четвертую книгу.

В верхнетоемской районной газете однажды написали, что Александр Тунгусов для района - как Ксения Гемп для Архангельской области, как Дмитрий Лихачев для России. Не случайно носит Александр Александрович звание почетного верхнетоемца, а званием этим в районе не разбрасываются.

Земляки знают А.А. Тунгусова как краеведа и журналиста. К истории малой родины интерес у него с детских лет. С довоенной поры связал он судьбу с печатью, больше 50 лет состоит в Союзе журналистов России. Был победителем конкурса городских и районных газетчиков, посвященного юбилею области, - в номинации «Любимый край». Живет этот удивительный человек в селе Вознесенское.



Тунгусов Александр Александрович

В истории интересует его все, что связано с Ненецким округом, где он с 1954 по 1973 годы работал как журналист и музейщик, и родным Верхнетоемским районом, - и то, например, что верхнетоемцы отчаянно дрались со шляхтой во время польско-литовской интервенции, и то, что они у Степана Разина воевали. Но главные его темы - в X1X-XX веках.

Я познакомился с Александром Александровичем весной 1998 года. Увидел в его доме ларь, коробки, ящики со множеством краеведческих материалов. Хозяин того богатства сказал: «При том, что немалую часть своих запасов отправил в районные и областные архивы, музеи (ведь всё не успеть сделать), намерен издать несколько книг». Я, грешным делом, подумал, что не получится это у 79-летнего человека. А ведь получается!.. Четвертая его книга - «Герои Западной Лицы» - о том, как был сорван план фашистов по захвату Мурманска, но, как и прежние работы, с «краеведческим уклоном».

Александр Александрович - хорошо ходячая история.

- Когда я учился в четвертом классе, - рассказывает Александр Александрович, - написал стихотворение о кулаках: такие сякие. Прочитал его тете, думал, она меня хвалить станет, а мне от нее попало: «А что плохого кулаки сделали?..» Материал об этих репрессированных крестьянах есть в нашем сельском музее. (Замечу, что он открыт два десятка лет назад благодаря стараниям Тунгусова. Музей не пустует. Недавно на его базе прошел районный слет школьников-краеведов, участники которого общались с Александром Александровичем).

После окончания верхнетоемской средней школы Александр Тунгусов приступил к журналистской работе

в районной газете. Было это в 1937 году, ставшем символом трагедии страны.

- Нужно было мне письма обрабатывать, - продолжил наш разговор Александр Александрович. - Редактору концовки писем не нравились. Он говорил: «Надо, мол, так заканчивать корреспонденции, чтобы человека можно было посадить или с работы снять. Нету у тебя классового чутья!» Помню, очень хотелось редактору прокурора районного посадить…

С 1939 года наш земляк - на военной службе. Домой он вернулся только в августе 1946 года с двумя орденами Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Но боевой офицер, капитан, поражает своих собеседников: «Я, может быть, и не воевал…» И поясняет:

- В кусты я не прятался. Наш штаб в тылу не отсиживался, все время на КП полка находился (я был первым помощником начальника штаба противотанкового полка). Много раз обстреливали нас, пули рядом свистели, много раз могли меня убить или ранить. И в окружении пришлось мне побывать. Но я в атаку не ходил, «языков» не брал, никого не убивал. Поэтому воевал ли?.. Кстати, до того, как стать ПНШ-1, я за делопроизводство в штабе отвечал, кому-то требовалось и этим делом заниматься.

Уже 12 июля 1941 года наша часть заняла боевые позиции. Закончили мы войну в Чехословакии. Все это время я писал в армейскую, фронтовую печать, в верхнетоемской газете публиковался. После войны комполка вызвал меня. Сказал: «Запираю тебя в комнате, вот документы, садись и пиши историю полка». Сидел и писал.

За свою жизнь Александр Александрович написал также множество писем. «Журналист в деревне - это еще и юрист», - говорит Тунгусов. Сотни сотни людей обращались к нему (и до сих пор не обходят его дом) с просьбой написать жалобы насчет стажа работы, пенсии, жилья, помощи жертвам репрессий и так далее. И за эту помощь земляки благодарны. А еще помог краевед студентам-историкам и студентам-филологам, другим людям, интересовавшимся: когда юбилей райпо, когда - суда, Верхней Тоймы?..

- Я и Горбачеву писал, и Ельцину, и другим нашим руководителям, - говорит Александр Александрович. - И в советское время лидеры были оторваны от народа, и позже вышло то же самое. Я потому в апреле 1991 года и из КПСС вышел, что видел: к рядовым коммунистам не прислушиваются, ничего в партии не меняется, ни в «верхах», ни в «низах». Раньше, боже упаси, было признать работу парторганизации неудовлетворительной, а при этом сколько пустых собраний проходило!.. В Госдуму писал, что нам нужен закон об языке. Сколько слов нерусских в нашу речь вошло и входит! А их в словаре иностранных слов не найти. Зачем нам так много заимствований? Французы свой язык оберегают от постороннего влияния, штрафуют за злоупотребление иностранными словами, если есть свои аналоги. Почему нам не последовать хорошему примеру?

Александр Александрович поразить способен многим. Например, тем, что мог бы дополнить «Словарь русского языка XI-XVII веков». У него есть и коми-русский, коми-марийский, русско-вепский словари. Все они краеведу пригодились.

Он собрал больше трех тысяч частушек, а также сказания, легенды

- и вышла книга «Как бы не Арза, не река…» (Арза - родная река Александра Александровича).

Тунгусов и Геннадию Заволокину писал: приглашал ведущего телепрограммы «Играй, гармонь!» в свое Вознесенское, чтобы он услышал оригинальные местные наигрыши, - увы, не довелось артисту приехать в верхнетоемское село.

- Где же вы столько краеведческих материалов набрали, живя в Нарьян-Маре и в селе, Александр Александрович?

- После войны я учился в Ленинграде на газетном отделении партшколы. Два года каждый день в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина занимался. Пока дежурная не «выгонит» - всё сижу. Удалось мне изучать первоисточники в архивах Москвы, Питера, Нарьян-Мара, Архангельска и других городов; записывал воспоминания северян.

Не только из библиотеки «выгоняли» Тунгусова: Клавдия Григорьевна много раз заставляла супруга уйти из-за рабочего стола:

- В семь утра встанет, воды да дров принесет - и пишет. Потом пообедает, а работать закончит, когда я его отрывать от бумаг стану, часу в седьмом. Ни выходных, ни отпусков всю жизнь не знает. Ну, зато книжки выпустил, над очередной трудится…

С. Доморощенов

ГОД 20-ЛЕТИЯ «НОРДА» – ГОД УЧИТЕЛЯ

Юбилей культурно-просветительного общества «Норд» совпадает с завершением Года учителя, который был призван усилить внимание и к школе, и к учителю. В этой логике общество «Норд» может отметить, что, начиная с самых первых своих шагов, оно всегда было связано с учительством как созидательной силой в деле просвещения и формирования культуры. Среди членов общества и его друзей немало представителей школ. Участниками чтений «Слово о людях и земле Поморской» наряду с маститыми учеными были и школьники, и студенты. Фруменковские чтения, посвященные памяти ректора Архангельского государственного педагогического института, в декабре каждого года собирали и бывших учеников профессора Г.Г.Фруменкова, и нынешних студентов, и любознательных школьников. Учителя были авторами ряда статей «Известий Русского Севера».

По-видимому, работа по сбору и публикации материалов об истории образования на нашем Поморском Севере, о большом отряде учителей, о многообразной работе школ области, о судьбах выпускников – это направление, которому следует уделить серьезное внимание. Важно сохранять память о тех, чей труд, к сожалению, так редко находит увековечение (улица имени Т.П.Михайловой – учительницы школы № 38 в Соломбале; почетный гражданин Архангельска – директор школы-гимназии № 6 В.Д. Иванов; книга П.Т.Синицыной об образовании на дореволюционном Севере; материалы школьных музеев).

Пусть завершение Года учителя станет своеобразным стартом поискового и просветительского движения «Школа Поморского Севера, ее учителя и выпускники».

С. Коваль, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ, член культурно-просветительного общества «Норд»

РЕПНЕВСКИЙ Андрей Викторович *- профессор, доктор исторических наук , заслуженный работник высшей школы РФ, заместитель председателя правления культурно-просветительного общества "Норд".*

НОРВЕЖСКИЕ КОНСУЛЫ В АРХАНГЕЛЬСКЕ (1919-1940 гг.)

На международной научной конференции в Санкт-Петербурге в апреле 2005 г. автору этих строк удалось задать важный с его точки зрения вопрос министру иностранных дел Норвегии Ёну Петерсену: «Не собирается ли Норвегия вновь открыть в Архангельске свое консульство, которое столь долго и плодотворно работало в этом городе целых 125 лет – с 1815 г. и до 1940 г.»? (Сразу уточним, что по 1905 г. это было шведско-норвежское консульство).

Норвежский министр, как и ожидалось, весьма дипломатично ответил, что в настоящее время такой вопрос не рассматривается, ибо открытие консульства в Архангельске экономически невыгодно. И, действительно, на Севере России уже имеется 2 консульства: В Санкт-Петербурге и в Мурманске. «Де-факто» Мурманское консульство и заменило старое Архангельское.

Открытие в сентябре этого года почетного консульства Норвегии в Архангельске обнадеживает нас в том смысле, что прямые дипломатические контакты Архангельска и Норвегии не только история «давно минувших дней».

В этой информационной статье мы займемся персонами и деятельностью норвежских консулов в Архангельске советского времени – пока последнем периоде существования консульства этой соседней страны в городе на Северной Двине. Вот список имен консулов советского времени.

Норвежские консулы в Архангельске 1919 – 1940 гг.

- Анвик Эйнар (Anvik) - 1919 – 1921 гг.
- Анвик Эйнар -1924 – 30 янв. 1930 гг.
- Болстад Мартин (Bolstad) - 1930 – 1935 гг.
- Виклюнд Арнольд Адольфович (Viklund) - 1936 – 11 мая 1938 гг.
- Коллин Георг Фредерик Кристен (Kollin) - 1939 – 1940 гг.

Эйнар Анвик (1888 – 1930). Как многие его предшественники, он принадлежал к предпринимательским кругам Архангельска. Он был хорошо знаком с лесной экономикой Русского Севера, с культурой и бытом поморов, среди которых жил долгое время. Анвик был женат на Валентине Ивановне Лунд – дочери известного архангельского купца (тоже норвежца по поисхождению) и имел от нее двух детей: старшим был сын Дан (1922 г.р.), младшей – дочь Атлу (1925 г.р.).

К исполнению обязанностей консула Норвегии Э. Анвик приступил в конце 1919 г. в последние месяцы существования т.н. Северной области с центром в Архангельске и под управлением антибольшевистского правительства. На этом посту Анвик «де факто» сменил Генерального консула

Генриха Антона Фальсена – юриста, выпускника Московского университета, который занимал пост консула более 20 лет – с 1898 г. до сентября 1919 г.

С 1921 по 1924 гг. из-за отсутствия дипломатических отношений между Советской Россией/СССР и Норвегией консульская деятельность была временно прервана. С 1924 г. Э.А. Анвик вновь приступил к исполнению обязанностей консула, но без выплаты жалования. Поэтому он зарабатывал на жизнь личным участием в производственных и лесоторговых экспортных операциях. Еще со времен Первой мировой войны Анвик, постоянно находясь в Архангельске, являлся диспонентом (доверенным лицом) фирмы «Прютц и К°» (или «The Russian forest Industry Ltd.»). А с октября 1923 г. сотрудничал в созданном на правах концессии смешанном обществе «Русснорвеголес», первым директором - распорядителем которого также был известный норвежский промышленник, финансист, политик и дипломат Фредерик Прютц.

До 1917 г. собственно торговыми делами консульства в Архангельске ведал вице-консул. Консул же занимался делами дипломатическими – представительскими, осуществлял выдачу виз, контакты с местными и центральными властями, составлял отчеты норвежскому Департаменту иностранных дел. Однако из-за мировой войны объем дел консульства с конца 1914 г. резко сократился, да и вице-консул Ф. Прютц в эти годы постоянно отсутствовал в Архангельске и недостаточно ревностно исполнял свои прямые обязанности. Поэтому во второй половине 1917 г. должность вице-консула норвежским правительством была упразднена. Позже был понижен и уровень консульства с Генерального до обычного. Консулу пришлось вести все торговые дела самому. Эти расширенные обязанности в 1919 г. и перешли к Эйнару Анвику.

Работы было много. После 1924 г. объем торговли двух стран нарастал довольно быстро. Особенно значителен даже в масштабах всего СССР был лесной фрахт норвежских судов в порты Белого моря. Так, в сезон 1924 г. в беломорские порты прибыло 225 судов под норвежским флагом, а в 1925 г. даже 242, что составляло в среднем 60% всего годового фрахта СССР в регионе. Консулу скучать не приходилось: он лично встречал и посещал многие норвежские суда, контролировал таможенные проблемы, защищал, если возникала необходимость, интересы моряков – граждан Норвегии, вел статистику торговых сделок. Регулярно (практически еженедельно) информировал свое правительство обо всей экспортно-импортной работе Архангельского и прочих беломорских портов Онеги, Колы, Мезени. Описывал важнейшие, с его точки зрения, политические и экономические события на Севере России. В целом Э.Анвик за 5 лет многое сделал как для восстановления и развития нормальных советско-норвежских торговых связей, так и для организации экспортной деятельности концессии «Русснорвеголес».

Его жизнь окончилась трагически. В полночь 30 января 1930 г., прямо в кресле за рабочим столом своего домашнего кабинета, он застрелился, пустив пулю в висок. Никакие политические, экономические или личные мотивы этого поступка следствием обнаружены не были. Скорее всего, причиной самоубийства стало расстройство психики, но и это достоверно не доказано. Истинные мотивы этого страшного поступка так и остались тайной.

НЕМЕДЛЕННО ВЫЗВАННЫЙ НА МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ ВРАЧ ПЕРВЫЙ ОСМОТРЕВШИЙ ЕГО ДАВАЛ ЕГО ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ КОНСУЛА УСТАНОВИЛ, ЧТО ЕГО РАНА СМЕРТЕЛЬНА.

Вот что он записал в заключении о смерти: *«Я нашел гр-на Анвик сидящим в кресле за письменным столом и истекающим кровью, при крайне слабом пульсе, сзади его стояла плачущая жена, которая держала его в сидячем положении в кресле и зажимала рукой рану. Я перевязал рану…хотя надежды никакой на спасение не было… вскоре его сердце перестало сокращаться, т.е. наступила смерть».* По заявлению жены консула Валентины Анвик и секретаря консула Арнольда Виклюнда, следствие зафиксировало, что «за гр-м Анвик замечалось временами легкое умопомешательство и скучность в повседневном поведении. Никаких данных, указывающих на причину смерти, гражданином Анвик не оставлено». Признаков насильственной смерти обнаружено не было. Тело консула было отправлено в Норвегию. Семья консула также покинула Архангельск.

Мартин Болстад (1892 – 1959) сменил погибшего Эйнара Анвика на посту консула. Дипломатическая служба Болстада началась еще в царской России в годы Первой мировой войны. В 1915 г. он получил назначение на работу в норвежскую дипломатическую миссию в Петрограде. После подписания и ратификации осенью 1921 г. первого советско-норвежского торгового договора и обмена торговыми миссиями до 1924 г. он трудился в качестве секретаря норвежского торгового представительства в Москве. Как только в начале 1924 г. между СССР и Норвегией были установлены полноценные дипломатические отношения, М. Болстад получил должность секретаря норвежского посольства в Москве.

В Архангельск в ранге консула он прибыл 16 мая 1930 г. Кроме самого консула и секретаря консульства норвежца Арнольда Виклюнда, при консульстве числились: семья Виклюнда из 4 человек, а в нанятых работниках - советский гражданин дворник и посыльный Ермолин Александр, работавший в консульстве с 1924 г., а также семья Ермолина из 6 чел. и три человека прислуги.

В начале 30-х гг. XX века, по просьбе шведского посланника в Москве и с согласия норвежского правительства, норвежское консульство в Архангельске временно защищало интересы Швеции и также временно являлось вице-консульством Великобритании. Можно считать, что М. Болстад был «един в трех лицах». Отслужив в Архангельске 5 лет, Мартин Болстад в 1935 г. возвращается в Москву на должность советника посла и консула Норвегии.

Арнольд Адольфович Виклюнд (1886 г.р.) - секретарь, потом вице-консул при Болстаде - стал следующим норвежским дипломатом, представлявшим норвежское правительство в Архангельске. Сначала он числился и.о. консула, а с 22 апреля 1937 года стал утвержденным консулом в Архангельске. Арнольд Адольфович Виклюнд – уроженец Архангельска, потомок архангельского купеческого рода. (Его отец – Адольф Виклюнд - уроженец г. Тромсё). Арнольд Адольфович не имел российского подданства. С 1911 г. он был женат на Вере Дмитриевне Ааронової и имел от нее 2-х дочерей: Маргариту и Людмилу.

Арнольд Виклюнд оставил заметный след в истории города. Он был самой подходящей кандидатурой для службы в консульстве, т.к. превосходно владел как норвежским, так и русским языками, был хорошо знаком с традициями и культурой поморов, разбирался в российском законодательстве, конъюнктуре, правилах и обычаях местной торговли. В 1923 г. Арнольд Виклюнд вступил в должность секретаря норвежского консульства в Архангельске и исполнял ее в течение тринадцати лет. Само консульство все межвоенное двадцатилетие располагалось в доме, где проживала семья Виклюнд, по адресу ул. Пролеткульта, 8. В этом доме в свое время находились апартаменты и рабочий кабинет норвежского консула Эйнара Анвика, а затем Мартина Болстада. Это был достаточно большой оштукатуренный двухэтажный дом, построенный в 1914 – 1915 гг. В нем проживало несколько семей – квартиросъемщиков. Имеются сведения о том, что какое-то время здесь жил и шведский вице-консул Олаф Вагер.

Руководить консульством А. Виклюнду довелось всего около 3-х лет. В 1938 г. в ходе развернувшейся в стране шпиономании было сфабриковано т.н. «Дело Виклюнда». Возникло оно на основе известного приказа наркома НКВД СССР Н.И. Ежова за № 00698 от 28 октября 1937 г. «В целях пресечения всей контрреволюционной, шпионской, террористической, диверсионной деятельности на территории СССР личным составом посольств и консульств» нарком Ежов предписал своим подопечным следующее: …«Применением широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств этих стран с советскими гражданами, подвергая немедленному аресту всех советских граждан, связанных с личным составом этих диппредставительств».

В ночь с 22 на 23 ноября 1938 года была проведена «операция по связям норвежского консульства, в ходе которой было арестовано 54 человека», а в целом в причастности к связям с норвежским консульством и работе на английскую разведку были обвинены 63 известных архангелогородца. Многие были расстреляны.

Мог ли норвежский консул вести некоторую разведывательную деятельность? Теоретически мог, так как начинавшееся строительство крупных военно-морских верфей для строительства советских линкоров в Молотовске (ныне Северодвинск) очень интересовало разведки западных морских держав. Однако в «Деле Виклюнда» нет реальных доказательств шпионажа. Наоборот, материалы дела, которые исследовал архангельский историк Е.И. Овсянкин, свидетельствуют о ложности обвинений, о том, что признательные показания выбивались у арестованных пытками и шантажом.

Конечно, сам А. Виклюнд не мог быть арестован – он имел дипломатический иммунитет и принял решение срочно покинуть СССР. 11 мая 1938 г. он направил официальное письмо в облисполком, в котором сообщил местным властям: «Я, согласно распоряжению моего правительства, получил новое назначение и завтра уезжаю из Архангельска». К письму прилагалась его консульская карточка № 2062. Виклюнду, его жене Вере Дмитриевне и двум дочерям дали выехать беспрепятственно.

Поскольку Виклюнды покидали город в спешном порядке, то не успели продать свое имущество. Переехав в Осло, Виклюнд пытался возместить убытки, вел по этим вопросам переписку с последним из консулов

в Архангельске Георгом Коллином. Часть личных вещей ему удалось-таки переправить в Осло. Но в Архангельске оставался автомобиль, катер, дом с флигелем и гаражом, собака. Виклюнд пытался продать недвижимость и автомобиль, но все имущество, которое осталось в их доме, было описано и передано в распоряжение норвежских властей в Москве. Моторный катер «Тедди» в ноябре 1939 г. был продан Архангельской таможне за 17,856 руб.

Георг Коллин, последний консул Норвегии в Архангельске, работал в этой должности совсем недолго - с середины 1938 г. по осень 1939 г., хотя формально числился консулом до 1940 г., т.е. до момента его официального закрытия. Он никак не был связан с местным бизнесом, да и это было невозможно в силу политической обстановки. Коллин четко исполнял свои обязанности, в соответствии с законодательством СССР. Фактически он мог общаться только с представителем НКИД. Как и все предшественники, Георг Коллин регулярно отправлял в Осло доклады. Он сообщал о политической ситуации, информировал об угнетенном состоянии внешней торговли из портов Белого моря. Так, в июле 1938 г. в очередном докладе он пишет о том, что в период с середины мая по 30 июня в Архангельский порт зашли всего 29 норвежских судов, тогда как ранее прибывали сотни, что таможенные проверки и бюрократические формальности в порту превышают все разумные пределы. Аналогичной была ситуация и с другими иностранными кораблями. 12 сентября 1939 г. Москва специальной нотой поставила в известность норвежскую миссию о том, что “в силу условий международной обстановки и необходимости обеспечить границы СССР устанавливается запретная зона в горле Белого моря”. Даже старейшая Олезундская концессия не получила разрешения на бой зверя в горле Белого моря в весенний сезон 1940 г. и прекратила свое существование. На этом фоне содержание консульства в Архангельске теряло всякий смысл, и оно было закрыто. Это было тем более обосновано, что в течение апреля-мая 1940 года Норвегия была оккупирована войсками фашистской Германии.

В августе 1941 года дипломатические отношения между СССР и королевским правительством Норвегии в эмиграции были восстановлены. Среди прочего, двумя правительствами были рассмотрены и вопросы «норвежского наследства» в Архангельске. 9 декабря 1941 г. между Королевским Норвежским посольством в СССР (Норвежской Миссией) и Британским посольством в СССР было подписано соглашение, состоящее из 16 статей. Смысл этого документа сводился к тому, что норвежские власти в СССР, в распоряжении которых находилось здание норвежского консульства в Архангельске, сдавали его в аренду вместе со всем движимым имуществом, двором, садом и пристройками за 6000 крон в год. С 1946 г. этим зданием начинает пользоваться Архангельский морской торговый порт. Формально дом по-прежнему оставался за норвежцами, поэтому имущество все это время оставалось в доме. И только осенью 1946 года командированный из Москвы в Архангельск атташе Норвежского посольства господин Пер Гуловсен осмотрел всю сохраненную норвежскую собственность и принял меры к ее вывозу, реализации и ликвидации норвежских прав на нее. Так закончилась 125-летняя история норвежского дипломатического присутствия в Архангельске.

СМИРНОВ Георгий Дмитриевич *- краевед, преподаватель, в настоящее время пенсионер. Победитель многих краеведческих конкурсов.*

ГИДРОГРАФ

На карте Архангельской области в архипелаге Земля Франца – Иосифа между островами Гофмана и Беккера находится пролив Башмакова. Чье имя носит пролив и кто такой Башмаков?

ОСТРОВ ЖУЖМУЙ

Остров Большой Жужмуй расположен в Белом море в северной части Онежской губы в 30 км от Соловков. Остров, состоящий из валунов, песка и глины, поросший лесом, площадью 8,1 кв. км – неуютное суровое место. Поморы использовали его как временное пристанище во время промысла морского зверя. В 1871 году здесь был открыт Жужмуйский маяк. Первоначально маячное сооружение было деревянным, существующая ныне стальная башня вступила в строй в 1909 году. Ее высота над уровнем моря 59,5 м, зона видимости в ясную погоду до 30 км. Условия проживания первых смотрителей были трудными. В 1890 – 1902 годах служителем Жужмуйского маяка был Иван Павлович Башмаков.

БАШМАКОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

120 лет назад в семье смотрителя маяка родился сын Павел. Кроме него было еще пятеро детей, и семья жила бедно, а после смерти отца материальное положение еще более ухудшилось. Известно, что, когда Павел учился, его мать Мария Александровна обращалась с просьбой к начальнику училища о выдаче казенных учебников Павлу Башмакову, так как на покупку их в семье средств не было. Семью содержал старший сын Александр. Прошли годы, Павел Башмаков - выпускник Архангельской мореходки. Особенным был этот выпуск 1909 года: среди 13 выпускников мореходного отделения два воспитанника - А.С.Кучин и П.И.Башмаков - приумножили славу учебного заведения. К тому времени Северный и Южный полюса были почти открыты. В интересах безопасного мореплавания необходимы были дальнейшие долгосрочные и кропотливые исследования различных районов морей. И вот молодой специалист мореходного отделения решает посвятить себя целиком этому делу. Всю дальнейшую жизнь Павел Башмаков служил в гидрографических организациях, где занимался изучением свойств и движения водных масс, измерением рельефа и глубин океанического дна.

ТРУД НА БЛАГО ОТЧИЗНЫ

С 1921 по 1940 год, помимо службы в гидрографических организациях, он преподавал в своей альма – матер – Архангельском морском техникуме, где читал лекции по навигации, лоции, метеорологии и астрономии. Многочисленные ученики до сих пор с глубокой благодарностью вспоминают своего наставника. В 1924 году корабли революции –легендарный крейсер «Аврора» и

учебное судно «Комсомолец» (до 1922 года «Океан»)-впервые в истории советского Военно – Морского Флота совершали дальний поход по маршруту Кронштадт – Архангельск – Кронштадт. Лоцманской проводкой балтийских кораблей на городской рейд руководил Павел Иванович Башмаков. С почетной и ответственной задачей он справился успешно. Беломорские маяки не только обеспечивали безопасность плавания, но и служили в то время своеобразными форпостами науки и культуры на Российском Севере. На маяках обычно имелись неплохие библиотеки. Как свидетельствует П.И.Башмаков, наряду с книгами русских и зарубежных классиков и маринистов там были «История государства Российского» Н. Карамзина, «Год на Севере» С. Максимова, самая разнообразная литература по различным отраслям знаний. Смотрителям вменялось в обязанность обучать неграмотных служителей и детей грамоте, письму, счету. Служба на маяках Белого моря, отдаленных от городов и находящихся на голых скалах или островах, никем не обитаемых, была особенной. «Жизнь в описанных условиях, - писал в свое время П.И.Башмаков, - при отсутствии общения с посторонними людьми, помощи врача, каких – либо посторонних развлечений и т.п. под силу людям с подвижным, веселым и смелым характером, трудолюбивым, не нуждающимся в обществе, но в то же время общительным и притом людям семейным». Маяки первыми встречают и первыми провожают! Павел Иванович опубликовал целый ряд книг и статей по гидрографии, истории освоения Северного морского пути, писал рецензии на книги об Арктике и на статьи Большой и Малой Советской энциклопедий, «Атласа карт всех полярных экспедиций». Является автором нескольких изобретений в области гидрографии. Он автор работ, которые до сих пор не потеряли практического значения: «Первые русские исследователи Новой Земли», «Маячное дело и его историческое развитие» (1925 г.), «Лоция Белого моря» (1932 г.), «Навигационные ограждения» (1935 г.).

Крейсер "Аврора" во время посещения Архангельска (август 1924 г.). Фото из коллекции АОКМ

ПРИЗНАНИЕ

Павел Иванович в 1924 году был награжден именным сектантом – на крышке которого, на серебряной пластине была выгравирована выписка из приказа по Морскому ведомству: «Награждается с утверждения Революционного Совета СССР…. гидрограф Башмаков Павел Иванович за неусыпные труды, направленные к улучшению условий мореплавания на Белом и Баренцевом морях и за разработку ряда руководств для плавания в указанных водах». Одним из организаторов Архангельской гидрографической базы, этого заслуженного учреждения, награжденного в 1982 году орденом Трудового Красного Знамени, был Павел Иванович Башмаков. Сегодня во флоте архангельских гидрографов есть судно с его именем на борту «Павел Башмаков».

Пролив Башмакова между островами Гофмана и Беккера в архипелаге Земля Франца – Иосифа стал ему памятником. Он остался верным на всю жизнь своему родному Архангельску и гидрографии.

БРОННИКОВА Евгения Петровна *- старший научный сотрудник Архангельского областного краеведческого музея.*

ВВЕДЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

На представленной фотографии, сделанной Я. Лейцингером и хранящейся в собрании Архангельского областного краеведческого музея, запечатлено Первое заседание суда присяжных в г. Архангельске. Было это сто лет назад - 12 января 1910 г.

Вспомним основные моменты, как вводился суд присяжных в России.

В годы правления Александра II (1856-1881) в Российской империи проводятся буржуазные реформы. Но вслед за ними начинаются коренные, по тем временам демократические, преобразования в обществе. Они коснулись и очень значительного реформирования судебной системы. Одним из важных направлений стала кодификация, проведенная комиссией под руководством М.М. Сперанского. В начале 1860-х гг. начинается работа по составлению законопроектов будущей судебной реформы, основные положения рассматриваются в сентябре 1862 г. на общем собрании Государственного Совета. 20 ноября 1864 г. императором были утверждены судебные уставы. Но полномасштабное проведение реформы затянулось на десятилетия.

Не стала исключением и Архангельская губерния. Согласно статистическим данным, в 1865 г. её территория составляла 757 656 кв. верст, население - 251 552 душ обоего пола. Большую проблему представляло и транспортное сообщение. Но поэтапное проведение реформы шло. По закону от 12 декабря 1888 г. в Архангельской губернии вводятся должности миро-

вых судей. Следующим шагом, в 1896 году, стало открытие окружного суда. 1 июля упразднили Архангельскую соединенную палату уголовного и гражданского суда, должности губернского прокурора и его товарищей, Архангельский коммерческий суд. И в тот же день Сенатор, Тайный Советник В. Р. Завадский, Управляющий межевою частью, на правах Товарища Министра Юстиции «открыл Архангельский окружной суд, приведя к судебной присяге ранее этой присяги не принимавших назначенных на должность члена Архангельского окружного суда Л. С. Варшавского и П. С. Григорьева».

Однако, вводя новую систему судоустройства, допускались существенные изъятия из судебных уставов 1864 г., в том числе и введение института присяжных заседателей. Доводы архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в обращении от 16 октября 1898 г. в Министерство юстиции о необходимости введения присяжных заседателей остались неуслышанными:

«... я полагаю, что учреждение в Архангельской губернии института присяжных заседателей представляется вполне возможным и что в настоящее время едва ли имеется достаточных оснований лишать население Архангельской губернии суда присяжных, имеющего несомненно огромное нравственно-воспитательное влияние. О чем считаю долгом представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства…».

Только через несколько лет, 10 мая 1909 г., Николай II подписал Указ «О введении суда присяжных в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в некоторых уездах губернии Архангельской и Тобольской, в губернии Томской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской». Под эту реформу в нашей губернии попали Архангельский, Кемский, Мезенский, Онежский, Пинежский, Холмогорский и Шенкурский уезды. На местах стали создаваться комиссии для составления и утверждения списков присяжных заседателей. К потенциальным кандидатам предъявлялся ряд требований: присяжными заседателями могут быть только: а) состоящие в русском подданстве, б) имеющие не менее 25 лет и не более 70 лет от роду и г) жительствующие не менее двух лет в том уезде, где производится избрание присяжных заседателей. Присяжными заседателями не могут быть: а) состоящие под следствием или судом за преступления, влекущие за собою наказание не ниже тюремного заключения, б) исключенные из службы по суду, в) объявленные несостоятельными должниками, г) состоящие под опекою за расточительность, д) слепые, глухие, немые и лишенные рассудка, ж) впавшие в крайнюю бедность… Названный Указ вступил в силу с 1 ноября 1909 г. К этому времени утвердили расписание заседаний окружного суда с участием присяжных заседателей на 1910 г. Проведение I-й сессии было назначено в Архангельске на 12-16 января, и утвержден список присяжных из 30 человек и запасных из трех человек. В названную дату состоялось первое заседание суда присяжных заседателей. Это событие и запечатлел фотограф на снимке. Потребовалось двадцать лет от введения в губернии института мировых судей с 1 апреля 1889 г. до этого события. Судебная реформа, начатая в центральных регионах Российской империи в 1864 г., в Архангельской губернии окончательно воплотилась только в январе 1910 г. После революционных событий 1917 г. судебная система в государстве, равно как и само государство полностью изменились. И только в период демократических преобразований в 1990-е гг. в России, среди прочих реформ, возрожден институт присяжных заседателей.

ХИМАНЫЧ Олег Борисович *- морской историк (г. Северодвинск), член Союза писателей России, Русского географического общества.*

ЖИТИЕ ГРИГОРИЯ МАХИЛЕВА

Науку морехода мальчики Поморья начали достигать в пять лет, преодолевая гнет нужды.

Письмо, которое северный русский капитан Григорий Иванович Махилев написал в апреле 1934-го, сам он озаглавил так: «Биографический очерк моей жизни». По сути это действительно автобиография, но по форме, какую пожелал придать ей сам автор, - письмо. Григорий Иванович адресовал написанное своему единственному сыну Александру, который впоследствии пошел по стопам отца и стал известным на Белом море гидрографом. Оригинал письма затем многие годы, да и по сей день хранится потомками Григория Ивановича, и его, несомненно, можно назвать семейной реликвией.

Ко мне же в руки оно попало в те дни, когда я работал над очерком о Михаиле Феофановиче Кононове - одном из моряков Великой Отечественной. В его трудной судьбе была знаменитая Соловецкая школа юнг, давшая ему и воинскую специальность радиста, и направление на Тихоокеанский флот. Здесь краснофлотец Феофанов служил на американском фрегате, переданном нашей стране по ленд-лизу. А вот послевоенную судьбу Михаил Феофанович связал с Северодвинском. Спросите, какое отношение имеет он к Григорию Ивановичу Махилеву? Его супруга приходится внучкой автору упомянутого письма. Родство бывшего юнги и старого капитана, наверное, можно признать косвенным. Однако, сдается мне, что своим долгим веком, особой папкой, где несколько десятилетий оно бережно хранится, письмо обязано еще и глубокому уважению к морю, к людям морской профессии, какое всю жизнь бытовало в семье Кононовых.

Но только ли о семейной реликвии речь? Не будет преувеличением сказать о письме Григория Ивановича Михайлова и как о своеобразном историческом документе, свидетельстве поморского быта на стыке двух минувших столетий - века девятнадцатого и двадцатого. С разрешения семьи Кононовых мы публикуем его с незначительными сокращениями, полностью сохраняя стиль изложения.

«Родился я в 1871 году 25 сентября в Сумском посаде Архангельской губернии Кемского уезда в семье мещанина Ивана Ивановича Махилева. Детство свое до четырех лет не припомню. Семья наша состояла из шести человек: отца, матери, трех сестер и меня. Видимо, социальное положение нашей семьи было незавидное, так как на пятом году по возрасту со своей сестрой ходил я с корзинкой выпрашивать под окнами подаяние. Это я и до сих пор помню, хотя мне сейчас 63 года. Да и как не помнить, ведь долгое время после того приходилось слышать упреки от сверстников о моем нищенстве.

Пяти лет брат моей матери взял меня зуем на Мурманский берег. Мог ли я работать в таком возрасте?! Видимо, взяли меня только прокормиться. От этого первого моего

плавания осталось в памяти только немногое, но досадное. Ту рыбешку, которую я напросил, а дядя осолил и увез в Суму на судне, хозяин промыслового предприятия не отдал мне, засчитав за съеденный мною хлеб во время лета, тем самым лишив мою мать надежды съесть кусок рыбы от сына, пятилетнего морехода. Следующее лето мать оставила меня дома, говоря: «Еще успеешь ходить в море, хоть лето поживи дома, прокормишься как-нибудь». Жаль ей было посылать малыша рано таскаться по лодьям. Отец мой работал батраком у купца Воронина, а мать подслуживала в зажиточных семьях и тем помогала отцу. 1879 год был первым годом моего непрерывного впоследствии морского плавания. В этот год меня взял кают-юнгой судохозяин Н.Воронов. До настоящего времени я помню его доброе отношение ко мне. Плавали мы в Норвегию, в Гаммарфест, где я впервые и увидел маленькие парусные катера и амбары, построенные на сваях, что издали казались мне красивыми картинками. В 1880 году я также плавал с Вороновым кают-юнгой. В обязанность мою входило помогать повару судна во всякой посильной работе, а также при засолке рыбы подрывать ее, поддавать соль, не говоря уже о том, что мне напоминали, чтоб я учился: как готовить пищу команде, печь хлеб и уметь делать хлебный квас.

Первый год моего плавания юнгой оставил сильное впечатление. Осенью на пути из Архангельска в Суму около Соловецких островов меня выбросило румпелем за борт. По рассказам команды, с чрезвычайным трудом меня удалось спасти. В целом две компании плавания юнгой были бесплатными – я работал за хлеб, учился быть годным поваром и привыкал к морю. В 1881-1883гг. я плавал поваром от П.И.Вязьмина. Признаюсь, идти поваром мне не хотелось, ведь я еще был мал и хотел пожить лето дома, но семейные обстоятельства и гнет нужды уже заставляли идти на море. Судно Вязьмина было плохое, по величине около 70 футов, но шитое наподобие больших карбасов. Три кампании я плавал поваром на этом судне, воды поотливал без счету и без меры, а плату получал первый год 3 рубля за лето и следующие два года - пяти и десяти рублей. Девяти лет я поступил в приходскую школу, науку не бойко осваивал и трехгодичный курс изучал четыре зимы, но все-таки школьный экзамен я выдержал.

Годы 1884-1886 я плавал в должности повара к берегам Норвегии на судах Сумских судовладельцев Воронова, Рюхина и Чулузгина. На судах этих нужно было делать уже не одно поварское дело, а наряду с матросами все, что позволяла моя сила. Эти годы оставили в памяти плохое воспоминание подростка-работника, еще не вошедшего в силу, но утружденного работой взрослого. Требовалось быть беззаветным, проворным, исполнительным как по судовой работе, так и в личных требованиях каждого из матросов, чтобы не терять их хорошего расположения. Плата за кампании этих лет была от 20 до 35 рублей за лето.

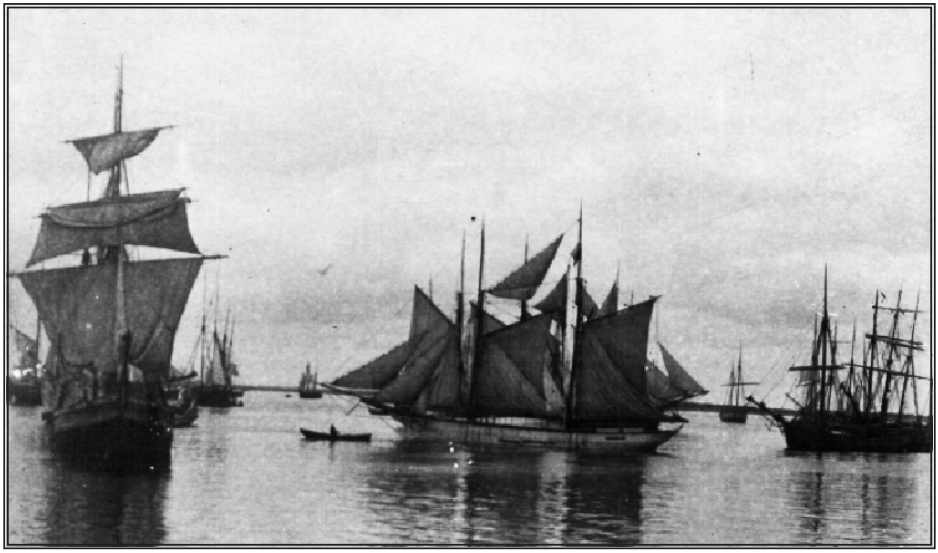
Год 1888 был годом долгожданного события - я впервые пошел матросом по найму на торговых судах Сумских судовладельцев Чулузгина и Вязьмина. Прошла пора излишних подслуживаний многим из команды, настала пора физической работы и усвоения самой сущности быть моряком. В семье нашей решался вопрос - учить ли меня мореходному делу в морской школе Сумского Посада. Отец уже хотел иметь себе помощни-

ка и учить меня не желал, а мамаша учить хотела и уговаривала отца дать возможность мне учиться, доказывая, что 3-4 зимы семья пробьется без моей помощи, надеясь, что впоследствии учение вознаградит. В результате по настоянию матери я поступил в мореходную школу.

Зимами 1888-1890гг. я учился, а летом плавал матросом к берегам Норвегии на судне Чулузгина. Зарплата к этому времени была 50 рублей за лето. В 1889 году произошла утрата: умерла наша мама. В семье у нас было в то время трое детей и уже пожилой отец, который в это время занимал незавидную должность телеграфного сторожа в Сумском Посаде, получая 10 рублей в месяц. В 1890 году к началу кампании я прошел курс мореходной школы, но держать экзамен на штурманского помощника не представлялось возможным, так как нужно было ехать в Архангельск, а для этого требовались средства, которых не было.

На следующий год в феврале я уехал из дому в Норвегию матросом на парусное судно Вязьмина, зимовавшее в Гаммарфесте. Путь лежал через город Колу. Ехали на оленях от села Кандалакши до самой границы, а дальше водным путем на норвежских пароходах. В Гаммарфесте незадолго до отправки в Архангельск умер штурман этого судна, и меня, как уже прошедшего курс мореходной школы, хозяин зачислил штурманом, хотя я еще не имел диплома. Так настала новая эра для меня - служба в звании штурмана и затем капитана в течение целых тринадцати лет у одного судохозяина, и большее число этих лет - на одном судне. Судно именовалось «Воля». Было оно вместимостью 154 регистровых тонны, трехмачтовое, с косым парусным вооружением. За это время много было плохого и хорошего. После прихода в Архангельск мы плавали с догрузом: леса на иностранные пароходы, которые стояли на баре Северной Двины, а затем сами ушли с лесом в Норвегию - в Гаммарфест и Хромее. Весной ушли в Архангельск, взяли там груз леса и пошли в Норвегию. В Хромее разгрузились, приняли груз сельдей, за которым ходили южнее миль за 150, и отправились в Архангельск. Время было приблизительно половина сентября. По выходе из норвежских шхер нас подхватил попутный шторм, и около Нордкапа на судне сломало среднюю и заднюю мачты. Полторы суток несло нас без всякого управления. Шторм бушевал, и казалось, не уцелеть нашему суденку, всему конец. Работы нам было до полного изнурения сил, но все миновало благополучно. Оснастив обломок средней мачты и имея фор-мачту, через 12 дней благоприятных условий погоды и попутных ветров достигли Архангельска. После разгрузки судна и окончания службы на нем я остался зимовать в Архангельске. Взяв себе работу по околке льда в зимнее время у трех парусных судов, я рассчитывал в свободное время повторить пройденный мною мореходный курс, чтобы весной держать экзамен на штурмана малого плавания. Но благодаря счастливым обстоятельствам, преподаватель Соломбальских шкиперских курсов принял меня, дав возможность отказаться от ледокольных работ. В этом же 1892 году умер мой бедный отец.

19 марта 1893 года после четырех месяцев усердных занятий я сдал мореходный экзамен сразу на капитана малого плавания. Заветная моя мечта и мечта моей бедной матери осуществилась. С начала кампании я поступил штурманом на то же судно «Воля» за 15 рублей в месяц, а в сере-



Парусники на Северной Двине. 1918 - 1919 гг. Фото из коллекции АОКМ

дине кампании был переведен с тем же званием на судно «Исаак» того же хозяина. Ходили с грузом муки в Кемь и Сумский Посад. Осенью я снова перевелся на судно «Воля» и штурманом ушел на нем в Норвегию. На пути судно получило большую течь, не пошло на отлив, местоположение наше по счислению было западнее Варде, милях в тридцати от берега. Положение считали критическим, но срыли палубный груз и, к нашему благополучию, нашли течь в верхней части судна, закрыли ее и, отлив воду, пришли в Тромсе, где и остались зимовать.

Весной 1894 года мы возвратились в Архангельск. Здесь я был послан на судно «Исаак» уже капитаном. В этом звании я первый раз повел судно из Онеги в Тромсе. Было мне двадцать три года. Мне представилась возможность изучать и применять на деле науку, которую я проходил в школе. Это было главным. Вопрос материальный (моя зарплата была 15 рублей в месяц) я считал второстепенным. С 1895 по 1897гг. я плавал в Норвегию, трижды зимовал в Тромсе и неплохо выучил норвежский язык. В 1898 году по стечению обстоятельств мне пришлось зимовать в Архангельске. Я осмелился продолжить свое мореходное образование и поступил в Соломбальскую мореходную школу, и в марте, сдав экзамен, получил звание капитана дальнего плавания. Этот год принес и другие перемены. В мае я женился на девушке своего круга, крестьянке из окрестностей Архангельска.

Десять лет моей судоводительской работы, до 1903 года включительно, прошли в плавании к берегам Норвегии и частично в Кандалакшский залив, село Кереть на судах Вязьмина. Я уже имел неплохую репутацию капитана. Месячная зарплата моя держалась в 25 рублей и постепенно повышалась. К последним годам службы у Вязьмина я получал 35 рублей в навигационное время, а за кампанию

в зимнее время ничего не получал. К 1903 году я имел семью в составе четырех человек: себя, жены, сестры и двухгодовалого сына. Домишечко, оставшийся нам от отца, приходил в ветхость, а средств хватало только на пропитание. С осени жена моя слегла, болея какой-то внутренней болезнью. Болезнь жены и недостаток средств наводили на мысль изыскивать место с большим заработком. В январе 1904 года я получил приглашение поступить на административный пароход «Мурман» помощником капитана. Здесь сыграло роль знание мной норвежского языка, так как пароход этот постоянно плавал около русско-норвежской границы, охраняя рыбные промыслы западной территории Мурмана. С нелегким сердцем оставил я тринадцатилетнюю службу у Вязьмина. Случилось это 1 марта 1904-го. Роковое совпадение: в этот же день умерла моя жена и мать моего ребенка. Я поехал к месту новой службы, оставив сына на попечении своей сестры.

Я поступил на «Мурман» помощником капитана 11 марта 1904 года. Пароход был длиной 81 фут, сила его машины - 180 индикаторных сил. Находился он в ведении Архангельского губернского управления. Деятельность его состояла в разъездах администрации Александровского уезда по Мурманскому побережью от русско-норвежской границы и до Святого Носа, охране промыслов от норвежских хищников и оказании помощи всем видам судов, терпящих аварии или бедствия. Плавание в летнее время было незатруднительным, но в позднюю осень заботливое, ввиду малых размеров парохода и продолжительной темноты. Зимовал пароход большей частью в Александровске, иногда в Архангельске. Служба помощником капитана состояла в содержании судна в исправном состоянии и полной готовности к плаванию. Месячный оклад был 75 рублей и еще 25 рублей столовых. Та насущная нужда в средствах, которую я испытывал, полностью вознаграждалась. В 1905 году я женился вторично, жизнь требовала этого. Я служил на этом пароходе четырнадцать лет, два последних года капитаном. В марте 1918-го я поступил старпомом на судно Т-12 Дирекции маяков и лоции Белого моря, работал по обвехованию в море и на снабжении маяков. Около трех месяцев затем работал я у судохозяина Могучего на разоружении парусных судов и хранении их. В январе 1919 года я снова поступил в Дирекцию маяков на вакантное место старпома плавучего маяка «Северодвинский». И после этого времени непрерывно служба моя продолжается и до настоящего времени в том же учреждении, переименованном в Убеко-Север, на разных должностях в течение 15 лет. Был я старпомом и командиром судна Т-11, помощником капитана плавучего маяка «Северодвинский», а с июня 1926 года и по настоящее время являюсь лоцманом Онежской лоцвахты.

Итак, мне теперь 63 года, жизни морской, работы и службы за это время прошло 56 лет. Их я разделил на два периода. Первый - это гнет нужды и тяжелых физических работ, испытанных мною, я назвал его батрачеством. Работа во второй части службы требовала менее физического труда, но умственных усилий и забот. С переходом на лоцманскую службу я переехал на постоянное место жительства в Сумский Посад, где и мечтаю провести остатки своих дней. В 1933 году в марте продал свой дом с правом дожить в нем до смерти».

ПОПОВ Геннадий Павлович *- заведующий музеем истории Арктического морского института имени В. И. Воронина, автор многих книг по истории Севера, почетный гражданин города Архангельска, почетный член общества «Норд».*

АРХАНГЕЛЬСК - ГОРОД МОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФЛОТСКИХ ТРАДИЦИЙ

Архангельск, расположенный в устье полноводной Северной Двины, постоянно ощущал "дыхание" близкого моря. Особую роль в его морской истории играла Соломбала, где Петр I в 1693 году, покидая Архангельск, основал первую казенную верфь России, на стапелях которой, до упразднения её в 1862 году, было построено до 500 военных парусных судов для Балтийского и Черноморского флотов, значительно укреплявших морскую мощь России.

А 74-пушечный линейный корабль «Азов» соломбальской постройки за отличия в Наваринском сражении у южных берегов Греции в октябре 1827 года был награжден кормовым Георгиевским флагом и вымпелом и стал первым гвардейским кораблем русского военно-морского флота.

Имена талантливых кораблестроителей: Курочкина А., Загуляева Ф., Ершева В. и других, строивших современные корабли, пользовались непререкаемым авторитетом в морских кругах России. Здесь же, в Соломбальском селении, проживали и крестьянские мастера-умельцы со своими семьями.

Спуск на воду нового судна превращался в подлинно народный городской праздник. Население губернского города заранее извещалось о предстоящем событии. Сам спуск проходил при огромном стечении народа, под грохот пушечных выстрелов и радостные крики "Ура!".

Следует отметить, что в 1820 году был создан портовый оркестр, который возглавил один из крепостных крестьян-музыкантов графа Аракчеева-Померанский. Оркестр принимал участие не только в церемониях спуска кораблей на воду, но его охотно приглашали на другие городские праздничные церемонии и семейные праздники.

10 декабря 1883 года губернская газета писала, что заслугой портовых музыкантов следует считать появление в некоторых домах музыкальных инструментов - роялей, флейт и скрипок. С упразднением в 1862 году верфи распался и сам оркестр.

С 1733 года была введена должность Главного командира Архангельского военного порта, которую исполнял офицер в адмиральском чине. Жительствовал он также в Соломбальском селении.

Наряду с гражданским губернатором, который проживал в центре Архангельска, с конца XVIII века и до упразднения казенной верфи в 1862 году, главой администрации огромной северной губернии назначался военный губернатор в адмиральском чине. Для него был выстроен отдельный особняк близ верфи, на берегу реки Кузнечихи. Так начал формироваться в Соломбале круг офицерских семей со своим морским укладом и традициями в повседневной жизни.

В сентябре 1760 года был заложен, а 6 августа 1776 года освящен величественный соломбальский морской Спасо-Преображенский собор, расположенный рядом с корабельной верфью, по сегодняшним меркам

- близ речки Соломбалки и Никольского проспекта, который охотно посещали команды строившихся судов и мастеровые верфи. Его посетил в 1819 году император Александр I, а в 1858 году император Александр II. К сожалению, в годы советской власти этот красивый и популярный в Архангельске морской собор был разрушен.

В 1819 году император Александр I, прибывший в Архангельск, по просьбе Главного командира военного порта контр-адмирала А. Клокачева, дал согласие на строительство двух больших каменных казарм Соломбальского флотского полуэкипажа, сооружение которых и было завершено в 1825 году. Отныне здесь стали временно проживать флотские команды, проделавшие многоверстный пеший путь из С.-Петербурга в Архангельск. После спуска на воду очередного корабля они перебирались на его борт. В казармах размещались также военные гидрографы и другие флотские подразделения.

В разные годы в Архангельск прибывали на строящиеся корабли матросские команды, которые возглавляли флотские офицеры; некоторые из них впоследствии стали знаменитыми адмиралами. Среди них: Ф. Ушаков, П. Нахимов, М. Лазарев, В. Корнилов, В. Истомин. Каждый из них оставил добрый "след" в культурной жизни морской слободы Архангельска.

В 1841 году в Соломбале открываются Шкиперские учебные курсы -единственное тогда в городе морское учебное заведение, выпускавшее из своих стен дипломированных штурманов дальнего плавания. Основной преподавательский состав во главе с заведующим Курсами состоял также из офицеров флота.

Годом позже, в здании Конторы военного порта, по инициативе командира военного порта - капитана I ранга П. Ф. Кузмищева и нескольких его сослуживцев была открыта портовая библиотека, переведенная вскоре в казармы Соломбальского флотского полуэкипажа. В её фондах имелись книги не только по военно-морской истории России, но и по другим отраслям знаний; в ней имелись подшивки современных газет и журналов. Морскую библиотеку охотно посещали и соломбальские жители.

В конце 1870-х годов в здании флотского полуэкипажа был открыт небольшой морской музей, в котором были собраны модели военных судов, некогда построенных на верфи; портреты адмиралов, служивших в Архангельске, и другие редкие морские экспонаты. Но просуществовал он недолго - лет через десять все экспонаты были отправлены в морские музеи С.-Петербурга.

Особое место в культурной жизни Архангельска играло созданное в 1860 году "Морское Собрание", куда входили флотские офицеры и члены их семей. В том числе: офицеры Беломорской военной флотилии, преподаватели Шкиперских учебных курсов; офицеры, возглавлявшие морской порт, а также лоцманскую и таможенную службы, посты Пограничной стражи; командиры "посыльных судов и военных транспортов"; офицеры, занимавшиеся гидрографическими работами в северных морях; офицеры, служившие в "Дирекции маяков и лоции Белого моря". Собрание размещалось в одной из казарм флотского полуэкипажа.

В Морском Собрании устраивались лекции и вечера отдыха для офицеров и членов их семей, портовых служащих; приглашалась и городская интеллигенция. Лекции носили просветительский характер. Темы были

очень разнообразны - они затрагивали отдельные вопросы естествознания, науки; очень популярны были медицинские темы.

Морское Собрание достойно отметило в 1884 году и 300-летие основания Архангельска. В тот памятный день многие горожане отправились в Соломбалу, где на реке Кузнечихе были устроены гонки карбасов. Торжества закончились обильным обедом в "Морском клубе".

На обед съехались все высшие чины губернской администрации во главе с губернатором К. Пащенко; здесь же были - портовое начальство, флотские офицеры, именитое купечество, судохозяева, духовенство. Сам обильный обед завершился веселым и продолжительным балом. А рядом на плац-парадной площади, близ казарм, шло народное гулянье, в котором участвовала вся мастеровая Соломбала и многие горожане.

На протяжении многих десятилетий в Архангельске производились пушечные салюты в честь одержанных побед русской армии и в морских сражениях. Северянам особенно близки были известия об очередной морской "виктории", в которой нередко принимали участие и корабли соломбальской постройки - это вызывало чувство гордости за проделанную работу.

В 1861 году, по примеру северной столицы, в Архангельске появилась новая морская традиция - отмечать пушечным выстрелом наступление полдня, после которого в учебных заведениях, предприятиях и местных органах власти делался перерыв, и наступало обеденное время. Сигнальная пушка была установлена в центре города, на мысе Пур-Наволок. Городские обыватели быстро привыкли к этой традиции, имевшей место лишь в нескольких портовых городах России. И только с началом Первой мировой войны перестал раздаваться полуденный выстрел, дабы не вызывать лишней паники среди горожан.

Следует отметить, что многие праздники, в том числе и церковные, проходили с морским колоритом. Вот, например, как описывал празднование "масленицы" уроженец Соломбалы, флотский офицер С. Ф. Огородников, автор нескольких книг об архангельском порте:

"...Вдруг, бывало, раздается в народе говор: "Масленица едет! Масленица!" Мы, ребятишки, бежим в ту сторону, откуда доносится сперва неясный шум бубен и трель барабанов, а затем едет и сама "масленица", доставлявшая нам неописуемый восторг.

Это было не что иное, как большой карбас, ставившийся на широкие полозья и возимый несколькими парами разукрашенных лошадей. В карбас укреплялись две высокие мачты и бушприт, обвешанные по снастям сверху донизу пестрыми флагами, а на вершине одной из мачт укреплялось человеческое чучело в самоедском костюме. На самом же карбасе помещались доморощенные музыканты, песенники и плясуны, одетые по сезону в различные меховые костюмы, испещренные разноцветными лоскутками лент и с выпачканными сажею лицами.

Шум, гам, дикая музыка, бряцание колокольчиков, народный говор и смех стояли стоном в воздухе, а "масленица" двигалась тихо по главным соломбальским улицам".

В 1870 году было создано Архангельско-Мурманское срочное пароходство, грузо-пассажирские суда которого начали совершать регулярные рейсы по Белому морю и вдоль Кольского полуострова до норвежского города Вардё. На эти со-

временные пароходы и стремились поступать выпускники Архангельских Шкиперских учебных курсов и других мореходных классов, расположенных на побережье Белого моря. Не случайно морские профессии считались самыми престижными среди прибрежных жителей Архангельского Севера.

В то же время с давних времен в конце августа несколько сотен крестьянских парусных судов возвращались с мурманских рыбных промыслов с грузом выловленной рыбы в Архангельск, где 1 сентября открывалась знаменитая Маргаритинская ярмарка, на которую съезжались сотни крестьян из ближних уездов огромной северной губернии. А в целом это было незабываемое и довольно шумное зрелище. На двинских пристанях, наряду с многочисленными рыбными рядами, появлялись в эти сентябрьские дни разного рода питейные и увеселительные заведения.

В эти же дни мальчишки-зуйки, ходившие вместе с отцами на рыбные промыслы, сдавали экзамены в Архангельских Шкиперских учебных курсах. Кроме того, сами судохозяева приобретали в "Навигационной камере" штурманские карты, магнитные компасы и другие пособия, столь необходимые для безаварийного плавания в суровых северных морях.

Маргаритинская ярмарка, что называется, была "пропитана" морским колоритом. К ней приурочивались и разного рода выставки, которые не раз устраивались в зале Городской думы; на них демонстрировались модели современных парусных судов и другие предметы по судостроению и мореплаванию. Судохозяева проявляли к ним большой интерес, и многое брали себе "на заметку".

На протяжении нескольких столетий Архангельск был главной базой снаряжения полярных гидрографических экспедиций, ставивших своей целью изучение арктических морей и создание лоций и навигационных карт, позволявших совершать более безопасное плавание в высоких широтах Арктики. Некоторые из них, к сожалению, заканчивались трагическим исходом.

Таким экспедициям, как правило, устраивали теплые проводы с участием первых лиц губернской администрации. Большой след в людской памяти и научных кругах оставили полярные экспедиции, в разные годы возглавляемые В. Чичаговым, Ф. Литке, П. Пахтусовым, А. Вилькицким, Г. Седовым и другими полярными исследователями.

Отметим также, что эта добрая традиция поддерживалась и в годы советской власти.

В заключение отметим одну характерную особенность. Морские традиции, выработанные не одним поколением северян, не утратили своего значения и в наше просвещенное время. И теперь самым ярким и запоминающимся событием в жизни Архангельска является празднование дня Военно-морского флота, ежегодно отмечаемого в последнее воскресенье июля. Посмотреть и полюбоваться парадом военных кораблей Краснознаменного Северного флота, стоявших на рейде полноводной Северной Двины, приходит, что называется, весь город. И этим по праву можно гордиться всем нам - северянам.

Отмечу также, что сам автор очерка окончил штурманский факультет Североморского высшего военно-морского училища, которое в 1951-1957 годах размещалось в сохранившейся казарме бывшего Соломбальского флотского полуэкипажа.

ОКЛАДНИКОВ Николай Анатольевич *- краевед, почетный член Русского географического и Северного историко-родословного общества.*

ЛОМОНОСОВ И МЕЗЕНСКИЕ ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ

Михаил Васильевич Ломоносов родился в семье зажиточного крестьянина – помора Куростровской волости Двинского уезда Василия Дорофеевича, который занимался рыбным и зверобойным промыслом в Белом, Баренцевом морях и на Мурмане.

На своем «новоманерном» гукоре «Чайка» Василий Дорофеевич занимался также морскими перевозками, «по найму возил разные запасы казенные и частных людей от города Архангельского в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин по берегам Лапландии, Самояди и на реку Мезень»[1].

Василий Дорофеевич видел в сыне Михаиле продолжателя своего дела и поэтому с малолетства приучал его к морю, морскому промыслу, ему он мечтал передать плоды своей жизни. Михаил Васильевич с 10 лет приобщился к морю. Он принимал участие в плаваниях отца по Белому морю и Ледовитому океану и помогал ему в трудном и опасном морском деле. Эти плавания продолжались ежегодно до ухода его в Москву в декабре 1730 года. Михайло Ломоносов побывал в Белом и Баренцевом морях вплоть до 70-й параллели, ознакомился с Колой и другими становищами на Мурмане. Был лично знаком со многими поморами, плававшими в этих краях, и в общении с ними он почерпнул немало знаний о полярных плаваниях поморов, об истории освоения ими Студеного моря.

Будучи уже ученым, М. В. Ломоносов отдает изучению полярных стран, проблемам освоения Севера и арктического мореплавания более двадцати лет, посвятив этому многие свои труды. В своих работах, посвященных этим вопросам, он во многом опирается не только на свои личные наблюдения и познания, приобретенные во время арктических мореплаваний, но и на богатый опыт поморов-промышленников Севера.

Исторической задачей для России М.В. Ломоносов считал освоение Северного морского пути. Он связывал с этим не только возможность подъема производительных сил страны, но и превращение России в могучую морскую державу. В своем классическом сочинении «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» он писал: «Когда желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на Восток, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана... Россия со временем не токмо с другими морскими державами сравниться, но и превзойти может»[2].

В противоположность неудачным походам англичан и голландцев, искавших морские пути на восток в XVI–XVII веках, Ломоносов подчеркивал успехи арктического мореплавания, достигнутые русскими промышленными людьми. Он с законной гордостью отмечал: «Из сих трудных к норд-осту морских походов явствует, что россияне далече в оный край на

промысел ходили уже действительно близ двухсот лет». В то же время он подчеркивает, что в этом предприятии «поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное участие имеют»[3].

«Остается объявить, – писал Михаил Васильевич1, – о прочих берегах Сибирского океана от Вайгача до Ленского устья, кои по большей части промышленниками обойдены издавна»[4]. Этот вывод великого ученого подтвердился находками, обнаруженными гидрографической экспедицией Главсевморпути в 1940 году на острове Фадея и в заливе Симса у берегов Таймыра. Этой, а также специально организованной в 1945 году экспедицией обнаружены останки крупной русской торгово-промысловой экспедиции, которая вышла в период 1617–1619 годов с запада на восток из северных пунктов, вероятно из Архангельска, Мезени или Пустозерска[5].

Ломоносов одним из первых дал высокую оценку подвигу Семена Дежнева, совершившего в 1648 году из Колымы в Анадырский залив и доказавшего тем самым «проход морской из Ледовитого океана в Тихий»[6]. Профессор М.И. Белов сообщает, что в этом походе «участвовали мезенцы: Фома Семенов, Василий Фомин, Яков Игнатьев и другие»[7].

Многие страницы своего труда «Краткое описание разных путешествий по северным морям...» М.В. Ломоносов посвящает Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.). Тщательно изучив имеющиеся материалы всех ее отрядов, он заключает, что после их трудов «сомнения о морях, всю Сибирь окружающих, не остается»[8].

В составе Двинско-Обского отряда этой экспедиции, совершившего плавания на восток в 1734–1737 годах сначала под командованием Степана Муравьева и Михаила Попова, а затем Степана Малыгина, принимали участие мезенские поморы-промышленники: Андрей Шняров (Чуркин), Давид Рогачев, Михаил Язжин, Иван Нагибин, Дмитрий Сопочкин, Леонтий и Иван Откупщиковы, Иван Бараков, Денис Авдеев, Дмитрий Брагин, Яков Протопопов, Иван Кудеев и Афанасий Юшков[9].

Тщательно изучив и обобщив все материалы по истории плавания в Арктике, М.В. Ломоносов сделал вывод о возможности прохода Северным Ледовитым океаном на восток северо-восточным путем, дал научное обоснование возможности такого плавания и изложил план организации полярной экспедиции по поискам северо-восточного прохода.

Ломоносов считал, что в результате успешной арктической экспедиции удастся расширить промысловую зону архангельских поморов на восток, до самой Чукотки, что освоение Северного морского пути создает благоприятные перспективы для дальнейшего развития Сибири, самого отдаленного и сурового, но обширного и богатого края. «Российское могущество, – писал ученый, – прирастать будет Сибирью и Северным океаном»[10].

Чтобы проверить вывод ученого о возможности прохода Северным Ледовитым океаном на восток, Морская Российских флотов комиссия, на рассмотрение которой был передан проект Ломоносова, решила вызвать из Архангельска «тамошних промышленных четырех человек, кои имели промыслы на Шпицбергене и в Новой земле, и довольно в тамошних местах бывали»[11].

По предложению М.В. Ломоносова в декабре 1763 года в Петербург были вызваны мореходы-промышленники:

олонецкий кормщик Амос Корнилов и из Мезенского уезда Федор Степанович Рогачев, Павел Евстропьевич Мясников из Окладниковой слободы и Василий Андреевич Серков из Кузнецовой слободы. Всех их М.В. Ломоносов «лично знал хорошо», а Амоса Корнилова называл «достойным приятелем»[12].

Кроме них, в Петербург были вызваны моряки-поморы, служившие на Балтийском флоте, ранее также не раз плававшие на Шпицберген и Новую Землю, в их числе – матрос родом с Мезени Илья Сивцов, который «будучи еще в крестьянстве, ходил на Шпицберген с 1751 по 1756 гг. в качестве работника одного помора из Мезени»[13].

Всех вызванных в Петербург поморов-промышленников и моряков-матросов Морская Российских флотов комиссия в марте 1764 года подробно опросила. Опрос производился в присутствии М.В. Ломоносова. Поморы подробно рассказали о русских промыслах на Шпицбергене и на Новой Земле, поделились своим богатым опытом арктических мореплаваний и сообщили ценные сведения о природе этих островов, о льдах, ветрах и течениях в «тамошних местах»[14].

Морскую Российских флотов комиссию поразил рассказ Амоса Корнилова о подвиге 4 мезенских поморов-промышленников из Окладниковой и Кузнецовой слобод, которые по воле судьбы оказались на острове Эдж (Малый Бурун) архипелага Шпицберген, когда их судно было раздавлено льдами. И в невероятных условиях прожили на этом острове 6 лет и 3 месяца. Трех из них, оставшихся в живых, он обнаружил здесь 15 августа 1749 года и на своем судне вывез в Архангельск.

Эта беспримерная зимовка четырех «мезенских робинзонов» впоследствии была описана академиком Ле Руа в его книге «Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицберген бурею принесенных». Книга эта впервые была издана на французском языке в 1766 году, а на русском языке – в 1772 году, последний раз – в 1975 году. Профессор М.И. Белов, готовя предисловие к четвертому изданию книги Ле Руа, в результате длительных архивных поисков восстановил полные фамилии и имена «мезенских робинзонов», которые автор в своей книге исказил. Это были Алексей Иванович и Хрисанф (Кирсан) Прокопьевич Иньковы, а не Химковы, как указано у Ле Руа, Степан Степанович Шарапов и Федор Веригин. Последний не дожил до спасения, умер на Шпицбергене, на шестом году зимовки[15].

Фото С. Клочева

История эта, рассказанная Амосом Корниловым, заинтересовала комиссию. Алексея и Хрисанфа Иньковых вызвали в Петербург, чтобы

выяснить некоторые подробности этой истории и уточнить места, где она произошла.

Опрос поморов-промышленников и моряков-матросов был закончен 13 марта 1764 года. Их показания, оформленные в виде протокола, вместе с трудом М.В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям...» были направлены в Адмиралтейств-коллегию, и 14 мая 1764 года Екатерина II подписала указ об организации полярной экспедиции по проекту Ломоносова[16].

Главным командиром экспедиции и головного судна Адмиралтейств-коллегия назначила капитана 1-го ранга Василия Яковлевича Чичагова, по замечанию М.И. Белова, «человека справедливого, осторожного и, безусловно, знающего в морском деле». Помощниками его и командирами двух других судов были утверждены капитан 2-го ранга Никифор Панов и капитан-лейтенант Василий Бабаев. Основной базой экспедиции был определен Архангельск. Здесь на Соломбальской государственной судоверфи по распоряжению Адмиралтейств - коллегии были построены специально для этой экспедиции 3 судна, которые были названы по фамилии их командиров – «Чичагов», «Панов», «Бабаев». Все работы по подготовке и снаряжению экспедиции в Архангельске возглавлял известный полярный исследователь – участник первой Камчатской экспедиции (1725–1730 гг.) капитан-командор Петр Чаплин[17].

Ломоносов лично принимал участие в подготовке и снаряжении экспедиции. Он указал, что необходимо «сверх надлежащего числа матросов и солдат взять на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков из города Архангельска, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят... а особливо, которые бывали в зимовках и привыкли терпеть стужу и нужду»[18].

Особое внимание М.В. Ломоносов обратил на отбор поморов-кормщиков. С его участием был составлен «реестр» – список поморов-кормщиков, «способнейших к мореплаванию», которых желательно привлечь для участия в экспедиции. В этом списке, кроме опрошенных Морской Российских флотов комиссией, значились мезенские поморы-промышленники: Иван Григорьевич Протопопов и Иван Назарович Сопочкин из Кузнецовой слободы, а также Иван Моисеевич Хлябин (Макалев), Яков Дмитриевич Личутин, Алексей Иванович Откупщиков из Окладниковой слободы и один из мезенских «робинзонов» – Хриаснф Прокопьевич Иньков[19].

Некоторых из них контора над портом разыскать не смогла. Так, например, Иван Хлябин еще в феврале 1764 года отправился на Зимнюю сторону Терского берега для весновального нерпичьего промысла, Иван Сопочкин ушел на рыбный промысел к Канину Носу, Хрисанф Иньков на судне Ивана Мелехова летом 1763 года отбыл на Новую Землю и к следующему году не вернулся[20]. В июне 1764 года разысканные по списку мезенские мореходы-кормщики были вызваны в Архангельск и подвергнуты медицинскому осмотру в морском госпитале. По заключению медицинской комиссии были отстранены от участия в экспедиции мезенские кормщики «Алексей Откупщиков за отморожением руки, а Василий Серков за старостью и дряхлостью и глазами мало видит»[21].

Мезенских кормщиков, отстраненных от участия в экспедиции по состоянию здоровья, заменили ме-

зенский кормщик Федор Рычков и кормщик из Олонца Аверкий Филиппов. Работа по отбору поморов-кормщиков и промышленников в состав экспедиции была закончена в августе 1764 года. Всего на суда экспедиции было взято 23 помора, из них шестеро кормщиками. Мезенцы Яков Личутин и Федор Рычков были назначены кормщиками на «Панов», Федор Рогачев и Тихон Калинин – на «Бабаев», на флагманский корабль «Чичагов» кормщиками были назначены Алексей Агафонов из Лисеостровской волости Двинского уезда и Тимофей Бараков[22].

В бухте Клокбай архипелага Шпицберген в июле-августе 1764 года для экспедиции была оборудована вспомогательная база[23].

После зимовки в Коле, 9 мая началось первое плавание судов экспедиции под командованием В.Я. Чичагова. Инициатора и организатора похода М.В. Ломоносова уже не было в живых. Достигнув 80 градусов 26 минут северной широты, из-за непроходимых льдов и сплошного тумана суда экспедиции вынуждены были повернуть обратно и 20 августа того же года вернулись в Архангельск, а оттуда ушли на зимовку в Колу[24].

Второе плавание судов экспедиции началось 19 мая 1766 года. Достигнув 80 градусов 30 минут северной широты, из-за сплошных льдов и сильного обледенения суда экспедиции вновь вынуждены были повернуть обратно и 10 сентября того же года прибыли в Архангельск[25].

Вскоре после возвращения судов экспедиции в Архангельск, 26 сентября 1766 года вышел указ Екатерины II о прекращении экспедиции. Адмиралтейств-коллегия положительно оценила труды участников экспедиции и приняла решение наградить их. Всего было награждено 134 участника экспедиции[26].

В результате двухгодичных плаваний участники экспедиции провели большие исследования, в том числе метеорологические наблюдения, произвели обмеры глубин своего маршрута, наблюдения за дрейфом льдов, нанесли на карту удобные бухты Шпицбергена. Все это сыграло существенную роль в проведении последующих исследований в Арктике[27].

По замечанию М.И. Белова, «заслуги участников первой русской высокоширотной экспедиции тем более значительны, что они способствовали проникновению человека в высокие широты Арктики и обеспечили изучение этих районов для последующих поколений»[28].

Известно, что отец М. В. Ломоносова – Василий Дорофеевич - в 1741 году ушел на промысел в Белое море и не вернулся, погиб. Ему было 60 лет, родился он в 1681 году.

Существует предание (якобы со слов М.В. Ломоносова), что в момент гибели видел Михайло Ломоносов (он в то время был в Германии) во сне то место, где сгинул его отец. Вернувшись в Петербург, он снарядил людей на поиски отца. На виденном во сне месте, на острове Моржовец, был найден Василий Дорофеевич – там и упокоен.

В июле 1996 года, в год 285-летия М.В.Ломоносова, рыбаки-колхозники рыболовецкого колхоза «Освобождение», село Койда Мезенского района Архангельской области, на правом берегу реки Койда на мысе Коврига, откуда виден остров Моржовец, установили деревянный обетный крест. По сведениям, представленным мне сотрудницей Мезенского районного краеведческого музея Людмилой Вячеславовной Рыжковой, крест изготовил житель села Койда Анато-

лий Васильевич Малыгин. Снимок Ломоносовского обетного креста, сделанный в 2009 году и любезно предоставленный мне Л.В. Рыжковой, храню, как память.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М.;Л., 1961. С. 18.
2 Ломоносов М.В. ПСС. М.;Л., 1952. Т. 6. С. 494.
3 Там же. М.;Л., 1959. Т. 8. С. 447–448; Селезнев С.А. Ломоносов и Север. Архангельск. С. 15.
4 Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 449.
5 Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М., 1948; Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. М.;Л., 1948. С. 46–47: Селезнев С.А. Указ. соч. С. 6.
6 Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 450.
7 Белов М.И. Город полярных мореходов // Мезень – край Поморский. Архангельск, 1980. С. 36.
8 Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 450.
9 Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XX века // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956. С. 271, 275, 280–281; Яников Г.В. Великая Северная экспедиция. М., 1949. С. 28; Муратов М. Первые разведчики Великого пути. М.; Л., 1960. С. 61.
10 Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 498; Павлова Г.Е., Федоров Ф.С. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1980. С. 216–217.
11 Селезнев С.А. Указ. соч. С. 217.
12 Морозова В.А. Ломоносов и поморы.// Правда Севера.. 1958. 27 января.
13 Старков В.Ф., Овсянников О.В. Грумант – земля далекая и близкая // Патриот Севера: Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1985. С. 186–187.
14 Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. М.;Л., 1949. С. 28.
15 Ле Руа. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурей принесенных. Изд. 4-е. М., 1975; Белов М.И. Город полярных мореходов. С. 42–48
16 Соколов А. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб., 1854. С. 25–26.
17. Селезнев С.А. Указ. соч. С. 32–35.
18 Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 485.
19.Перевалов В.А. Указ. соч. С. 249–250.
20 Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 370.
21 Там же. С. 346; Селезнев С.А. Указ. соч. С. 36.
22 Селезнев С.А. Указ. соч. С. 37.
23 Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 67.
24 Селезнев С.А. Указ. соч. С. 39–42.
25 Там же. С. 42–44.
26 Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 379; Селезнев С.А. Указ. соч. С. 44.
27 Селезнев С.А. Указ. соч. С. 45.
28 Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 379–380.

ТАЛАНТ И ВЛАСТЬ

Такая тема была выбрана организаторами — С(А)ФУ, Ломоносовским фондом и Холмогорским землячеством - для уже ставших традиционными, третьих Третьяковских слушаний, которые состоялись в ноябре 2010 года. Как отметила Татьяна Сергеевна Буторина, нынешний год особый -77 лет исполнилось бы Виктору Михайловичу Третьякову, 7 лет как его нет с нами. Мы проводим слушания, потому что это по-третьяковски. Прежде чем решить вопрос, он любил выслушать разные точки зрения. И только после этого принимал государственное решение.

Основной доклад доктора педагогических наук, профессора, вице-президента Ломоносовского фонда, президента Холмогорского землячества Т.С. Буториной был посвящен взаимоотношению Ломоносова и власти.

На слушаниях вспоминали и недавних политиков нашей области: В.М. Третьякова, Б.В. Попова, А. Ефремова.

Выступили с воспоминаниями профессор О.В. Овчинников, профессор Р.А. Ханталин, А.Н. Гагарин, С.А. Коваль и другие участники слушаний.

Лейтмотив всех выступлений - не надо забывать талантливых людей, много сделавших для города и области.

К сожалению, среди присутствующих не было учителей, представителей власти, архивистов, музейных работников, тех, кому было адресовано обращение участников Третьяковских слушаний.

СЛОВО О «НОРДЕ»

Создание Добровольного культурно-просветительного общества «Норд» пришлось на самое начало 1990-х годов, прозванных впоследствии «лихими». Люди старшего поколения хорошо их помнят: энтузиазм, романтические надежды, бурная общественная активность, быстрое создание и такой же быстрый распад партий, движений, обществ (большинство из них нынче и не помнит никто), первые демократичные выборы, «братки» на улицах… И главное – ожидание новой, честной, богатой жизни. С умилением оглядываешься на эти времена.

Члены общества «Норд», мэр г. Архангельска А.В. Донской на открытии мемориальной доски, посвященной присвоению в 1895 году звания «Почетный гражданин города» С.Ю. Витте.

В начале августа 1990 г. в Соломбале, в историческом здании бывшей англиканской церкви на набережной Г. Седова, собрались 14 архангелогородцев, обеспокоенных разрушением памятников исторического прошлого Архангельского Севера, исчезновением культуры и традиций поморов, забвением имён, прославивших не только Север, но и Россию. Собрались, чтобы сообща противостоять этим явлениям. Собрание приняло решение организовать культурно-просветительное общество «Норд». В том же месяце новое негосударственное объединение было зарегистрировано Соломбальским райисполкомом. Новую регистрацию «Норд» прошёл 10 декабря 1991 г., а его устав изменялся и дополнялся ещё дважды: в 1994 и 1997 гг., с тех пор прошло двадцать лет.

Основными направлениями деятельности общества остаются сохранение, уход, восстановление и реставрация памятников, захоронений людей, принесших славу Архангельску и России; создание Архангельского пантеона; распространение знаний по истории Севера и России, другим наукам.

Основу организации составляют преподаватели Поморского государственного университета: профессора А.В. Репневский, Ю.В. Кудряшов; доценты П.Т. Синицына, О.В. Русинов, Л.Б. Красавцев, М.Л. Селькова, А.Е. Фельдт, В.И. Шубин, О.В. Чуракова и другие; краеведы, архивисты, журналисты: Л.И. Санников, Н.Н. Матафанов, А.В. Беднов, А.В. Ружников, М.А. Смирнова, а также студенты. Есть у «Норда» и почётные члены. Это люди, внёсшие значительный вклад в развитие краеведения, изучение истории Поморского края, сохранение северной культуры. Среди них имена, вызывающие искреннее восхищение: почётный гражданин города Архангельска Ксения Петровна Гемп; доктор технических наук Борис Дмитриевич Бого-

Вечер воспоминаний «О тех, кого любим и помним». Слево направо: А.А. Миллер, П.Т. Синицына (дочь писателя Пели-Пунуха) , Е.Ф. Голобкова (дочь сказительницы М.Ф. Голубиной), Ю.К. Жуков. 25 февраля 1996 год. Октябрьская библиотека, г. Архангельск.

молов; почётный гражданин города Архангельска и почётный доктор ПГУ Евгений Иванович Овсянкин; ректор ПГУ, профессор Владимир Николаевич Булатов; профессор ПГУ Юрий Константинович Новожилов; почётный гражданин города Архангельска, известный архангельский краевед Геннадий Павлович Попов; профессор ПГУ Анатолий Александрович Куратов; историк-архивист Валентина Александровна Волынская и другие (портреты всех почетных членов общества «Норд» представленны на второй странице обложки журнала).

Численность членов общества «Норд» невелика, в разные годы она колебалась от ста до сорока человек. А делают они немало. Так, например, в середине 1990-х гг. был осуществлён проект «Архангельский пантеон», направленный на приведение в порядок территорий кладбищ. В рамках этого проекта более чем у 30 некрополей мореплавателей, кораблестроителей, писателей, учёных проведена реставрация надгробий, а некоторые из них просто спасены от полного разрушения. Не раз обращались члены общества к гражданам Архангельска в связи с участившимися фактами вандализма на кладбищах города. Отыскали места захоронений учёного Н.Я. Новомбергского и репрессированного в 1934 г. адмирала В.А. Карцева.

Члены общества «Норд» положили начало новой традиции – проведению Дней памяти: встреч у мемориальной доски или у некрополя знаменитых людей – М.В. Ломоносова, Л.Б. Розинга, Г.Г. Фруменкова, Р. Шаниной, В.И. Воронина, Т. Вылки, С.Н. Плотникова и других известных земляков.

Важное место в деятельности культурно-просветительного общества занимают научно-краеведческие чтения «Слово о людях и земле Поморской». Они ведут своё начало с 1992 г. Эти чтения смогли объединить разные поколения – от школьников до профессоров, увлечённых изучением истории, культуры, природы родного края. Душой нордовских чтений был и остаётся профессор А.В. Репневский. По итогам чтений изданы сборники.

Общество «Норд» активно участвовало в исследованиях по восстановлению звания «Почётный граж-

Презентация книг, выпущенных ДКПО «Норд», в США (г. Цинцинати, 2001 г.)

данин города Архангельска». По его инициативе восстановлена историческая справедливость, и в число почётных граждан включены деятели, получившие это звание до 1917 г.: С.П. Гагарин, М.Н. Галкин-Врасский, М.И. Хилков, Н.А. Качалов. В процессе работы был собран уникальный материал, который затем вошёл в книгу «Почётные граждане города Архангельска», изданную в 1996 г. и не утратившую своего значения до сих пор.

Начиная с 1998 г. в деятельности общества стало меньше проводиться публичных мероприятий и всё больше внимания уделяется научной и публикационной деятельности. За эти годы обществом «Норд» или при его участии издано более 50 книг. Качество издания растёт с каждой книгой. В 2005 г. обществом учреждена премия общественности Архангельска «Чаша раздумий». Эта премия – общественное признание заслуг

Члены общества в День памяти И.В. Стрежнева. 1999 г.

авторов за их труды. Присуждается она за печатные работы в нескольких номинациях: «Книга, написанная на основе архивных данных, с публикацией новых документов», «О людях и событиях земли Поморской», «Поморская культура», «Архангельский Север в мемуарах», «История города Архангельска». Премия представляет собой специально изготовленную

День памяти Г.Я. Седова. 1997 г.

чашу, на которой изображены храм и свеча – символы духовности и горения.

«Норд» всегда собирал и собирает вокруг себя учёных и предпринимателей, работников культуры и общественных деятелей, студентов и школьников – людей, неравнодушных к судьбе нашего края. Пожалуй, в этом его главная заслуга. Заседания общества проходят неформально, в непринуждённой обстановке, в атмосфере доброжелательности и взаимного уважения, свободного общения, где присутствующие высказывают собственное мнение, а если считают необходимым, отстаивают свою точку зрения. При этом участники всегда стараются прийти к консенсусу. В годы всеобщей активности, в самом начале своей деятельности, общество созывало многолюдные ассамблеи, куда приглашались гости и где обсуждались вопросы объединения сил общественности и организаций, занимающихся вопросами истории, культуры, экологии. Постепенно собрания стали более камерными, но не менее задушевными. Но и сегодня, порой «Норд» выступает организатором больших мероприятий. Взять хотя бы церемонии вручения премии «Чаша раздумий», состоявшиеся в Архангельском педагогическом колледже и зале издательско-полиграфического пред-

Заседание оргкомитета по увековечиванию памяти первооткрывателя электронного телевидения Б.Л. Розинга. Председатель оргкомитета Людмила Серафимовна Филиппова. Февраль 2005 г.

приятия «Правда Севера», которые привлекли как членов общества, так и его друзей и соратников.

Мы, архивисты, особенно ценим ответственное отношение членов культурно-просветительного общества «Норд» к своим документам, хранящимся в отделе документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области. К сожалению, не все общественные организации могут этим похвастать. Председатель общества Сергей Юлиевич Клочев неустанно пропагандирует работу общества. По его инициативе в 2002 г. на свет появился сборник документов и материалов «Культурно-просветительное общество «Норд», подготовленный сотрудниками госархива общественно-политических движений и формирований Архангельской области, где представлены документы за 1990–2000 гг., первое десятилетие деятельности общества, дающие представление о том, как всё начиналось, о надеждах, питавших наших земляков, процессах, происходивших в стране, о том, как всё кипело и бурлило в те дни.

Общество не проходит мимо исторических документов, оказавшихся в его распоряжении, будь то документы общественных организаций или частных лиц. Так, вместе с документами «Норда» на хранение в архив были переданы материалы национального культурного центра «Поморское возрождение», общественно-политической организации «Фонд гласности», ассоциации «Экология Севера». Сегодня идёт подготовка к сдаче в архив очередного блока материалов «Норда», среди которых протоколы собраний, уставы общества, списки учредителей и членов, доклады и сообще-

День памяти Г.Г. Фруменкова

ния участников научно-практических конференций, переписка с органами власти и гражданами об охране памятников и др.

Мы убеждены, что исторические источники, в которых отражены процессы создания и деятельности одной из первых и значительных общественных организаций периода перестройки и постсоветского периода, непременно найдут своего исследователя. И в год двадцатилетия хотим пожелать этому замечательному обществу процветания, а его членам здоровья, новых идей и воплощения их в жизнь.

Члены общества
В.А. Радишевская
Т.В. Титова
С.Л. Монахова
фото С. Клочева

ШУБИН Сергей Иванович *- доктор исторических наук, профессор Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, почетный работник высшего профессионального образования, член общества «Норд».*

ЕВРАЗИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

С 26 по 31 июля в столице Швеции - Стокгольме проходил восьмой Всемирный конгресс политологов, историков, экономистов, славистов, лингвистов, литературоведов, социологов, юристов и представителей массы других профессий, которых объединяет профессиональный и личный интерес к тому, что происходит на Евразийском континенте. «Евразия: перспективы расширения сотрудничества» - так была заявлена главная тема конгресса.

Организаторами форума выступили Международный Совет Центральных и Восточноевропейских Исследований (ICCEES) и шведское общество по изучению России, Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. В работе этого мирового форума приняли участие около полутора тысяч представителей из 40 стран мира. В рамках конгресса состоялись многочисленные пленарные, секционные заседания, «круглые» столы и дискуссии по широкому кругу вопросов. Только программа работы форума насчитывает 190 страниц, а очень краткие рефераты более тысячи выступлений сформировали достаточно солидный том, изданный в преддверии конгресса. Понятно, что одному человеку невозможно всесторонне проанализировать такое масштабное интеллектуальное событие, ограничимся некоторыми субъективными суждениями.

Главными проблемами обсуждения, как уже отмечалось, стали вопросы, связанные с развитием политики, экономики, права, экологии, культуры и СМИ на территории, охватывающей Восточную Европу, Сибирь и Центральную Азию. Традиционным достоинством всемирных конгрессов является участие в обсуждении актуальных проблем как крупнейших мировых ученых, политиков, дипломатов, так и молодых исследователей. Причем дискуссии носили достаточно демократичный, активный и заинтересованный характер, молодежь имела возможность заявить о себе, а общение с маститыми учеными и крупными политическими деятелями позволяло и тем, и другим «сверить часы», отточить аргументацию и углубить понимание процессов, происходящих в мире.

Открыть конгресс должен был Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев, однако, по рекомендациям врачей, Президент СССР приехать в Стокгольм не смог и обратился к присутствующим через своего помощника Павла Палашенко. Обращение Горбачева стало поводом для первой и очень содержательной дискуссии о причинах, ходе и последствиях перестройки. В качестве экспертов, помимо П.Палашенко, в обсуждении проблемы активное участие приняли посол США в Советском Союзе (1987-1991 гг.) Джек Мэтлок и известный американский советолог Арчи Браун.

Мне тоже удалось задать послу Мэтлоку вопрос, который вызвал

оживленную дискуссию относительно оценки позиций и деятельности американских послов, работающих в Москве после Д.Мэтлока. А в последний день форума мы пообщались с бывшим американским послом тет-а-тет и даже сфотографировались на память.

На снимке: С.И. Шубин (справа) с Д.Мэтлоком, послом США в СССР (1987-1991 гг.) во время фуршета после заключительного заседания

Вообще на конгрессе было много узнаваемых персон, это, прежде всего, такие известные российские историки и политологи, как С. Мироненко, А. Сорокин, О. Крыштановская, О. Зиновьева, Л. Гудков, М. Урнов, Е. Немировская, Л. Самуэльсон, А. Рогинский, Л. Бородкин, Н.Петров и многие другие. Краткая, но достаточно интересная беседа у меня, например, состоялась в перерыве между заседаниями с Игорем Чубайсом, доктором философских наук, автором многих научных и публицистических работ, деканом первого в России факультета россиеведения в Институте социальных наук, о перспективах российской модернизации и, в частности, о деятельности его брата Анатолия Чубайса в качестве главного нано-инновационщика России. Оптимизма Игоря Борисовича в оценках и руководства страны, и брата я не услышал.

Традиционно в центре внимания участников форума была Россия и постсоветское пространство. Не случайно интервью в журнале «Регионы России» с участницей конгресса О.М. Зиновьевой, женой и соратницей всемирно русского мыслителя, философа и писателя А.А. Зиновьева, так и названо: «Всемирный съезд россиеведов». В нем Ольга Мироновна пишет, что наша страна остается главной «…тенденцией западноевропейской политики, по крайней мере, на последующие 5 лет» .

Особый интерес вызывают возможные направления развития Российской Федерации: восточный, в сторону Китая, или западный - в сторону Европейского Союза. «Никто, судя по всему, - образно размышляет О. Миронова, - не может согласиться с Россией в образе спокойно посапывающего спящего медведя, более того – в ней подозревают какие-то силы, которые способны на неожиданные решения и афронты. Очевидно и понятно поэтому желание вовремя проследить возникновение этих феноменов, вовремя успеть сосредоточиться на каких-то превентивных мерах во избежание глобальных последствий» . В какой-то мере симптоматично и то, что следующий – девятый конгресс 2015 года решено провести в Токио, то есть на восточных подступах к России.

Большой интерес вызвали у участников форума дискуссии о сталинизме, об уроках Второй мировой войны, о перестройке, о тандеме Медведев-Путин и их влиянии на проблемы современного развития Европы и Азии. В этой связи очень актуальным оказалось обсуждение за «круглым»

столом наследия Александра Александровича Зиновьева. Особенно неоднозначной была оценка его знаменитой фразы: «Целились в коммунизм - попали в Россию». Конечно, на многочисленных секциях высказывались и отстаивались различные, а порою и противоположные мнения, но участники дискуссий, как правило, слышали друг друга, споры не перерастали в противостояние.

Так, например, представители различных стран дружно с утра пораньше приходили в кинозал для просмотра советской документалистики, которая была представлена российским архивом кинофотодокументов. Многочисленных зрителей подкупала не только очень удачная подборка кинодокументов, но и их профессиональный комментарий сотрудницы архива Е. Голиковой.

Немалый интерес был проявлен и к проблемам развития северных регионов Российской Федерации. Проявлением этого было несколько секционных заседаний, посвященных северной проблематике на самом конгрессе, а также научно-практический российско-финский семинар ученых Хельсинки, Сыктывкара, Вологды и Архангельска, который прошел на морском лайнере (язык не поворачивается назвать его паромом) по пути из Финляндии в Швецию.

Финны, впрочем, как и все скандинавы, очень заинтересованы в развитии экономических, культурных связей, особенно транспортной инфраструктуры Европейского Севера России, который может стать своеобразным мостом не только между Скандинавией и Россией, но и регионом, дающим выход на основные транспортные коридоры Евразии.

Наш семинар проходил в рамках международного проекта «Роль Российского Севера и финно-угорских народов в дальнейшем развитии европейско-американо-российских связей». Одним из моих конкретных предложений, поддержанных всеми участниками российско-финского семинара, было обращение в МИД Финляндии об открытии в Архангельске финского консульства. Также было принято решение о проведении следующего научно-практического семинара в одном из регионов Европейского Севера России. Следует отметить также общее мнение ученых о необходимости большей консолидации северных субъектов Российской Федерации в проведении региональной политики и трансграничного сотрудничества.

Уже по прибытии на родину стала известна информация о том, что в рейтинге известного общественно-политического журнала «Newsweek» Финляндия признана лучшим местом в мире для проживания и работы по пяти основным критериям: здоровье населения, открытость экономики и широта корпоративного сектора, образовательный уровень, политическая стабильность и качество жизни. А Швеция признана тем же изданием самой политически стабильной страной с самым низким уровнем коррупции, экономической и политической прозрачностью. В результате чего 80 % шведов регулярно приходят на выборы .

Эта информация, вполне естественно, вызвала немало комментариев в Интернете со стороны соотечественников. Процитирую один из них: *«За державу обидно!!! Был в Финляндии, Швеции. В Швеции средняя зарплата в переводе на наши примерно 160 000 руб. А пообедать в кафе стоит примерно 400 руб. А продукты зачастую дешевле наших. Говорят, налоги высокие (король платит 50 % зарплаты), но даже с такими налогами жить лучше. А за державу обидно. Не везет нам с руко-*

водством» .

Соглашаясь в целом с мнением автора отклика, следовало бы еще добавить бросающееся в глаза и в Швеции, и в Финляндии рациональное отношение к земле, к лесу. Если бы в нашей стране оно было хотя бы в малой степени похожим, Россия, вне всякого сомнения, была бы главной житницей планеты. А прошедшим летом вместо этого страна стала главным ее пожарищем.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл говорил о нынешних пожарах «как о наказании за грехи». Я, как человек светский, уточнил бы: за грехи в аграрной политике, а если шире – за грехи в отношении к российской деревне. Русское сельское Нечерноземье выгорело потому, что в последние 15-20 лет было брошено государством на произвол судьбы.

В то время, как во многих странах сельское хозяйство и местное самоуправление дотируются в таком режиме, что они в большей степени становятся бюджетной отраслью, чем рыночной. Об этом достаточно наглядно свидетельствует сравнительный анализ государственных затрат на сельскохозяйственное производство в зарубежных странах и в России.

Государственные затраты на с/х производство по странам

Страна	Затраты на 1 га (в $)	% от Японии
Япония	473	100
США	324	68,5
Евросоюз	298	63
Россия	10	2,1

В результате такой аграрной политики в большинстве деревень остались одни старики, сельскохозяйственная техника давно отслужила свой ресурс, а зарастающие чертополохом луга и поля, высушенные засухой, стали главной причиной, по сути, ковровой огненной беды. Об этом комментаторы центральных газет и телевизионных каналов умалчивают, в то время как селяне в местной прессе пишут .

Так, например, в районной газете «Звезда» в обращении к своим депутатам жители Лешуконского села Койнас прямо пишут: «…бывшие поля зарастают лесом. Село обросло травой, она не скашивается и не стравливается скоту. А прошлогодняя трава, особенно в весенний период, в сухую погоду, как порох. …Мы просим депутатов районного собрания, депутатов МО «Койнасское» разобраться в данной ситуации» . Уверен, что подобная ситуация характерна, за небольшими исключениями, для всей России.

Ведь, если обратить внимание на карту, станет очевидным тот факт, что пожары «гуляли» по регионам, где сельское хозяйство и местное самоуправление, действительно, финансировались по остаточному принципу. Например, рядом с горящей Воронежской областью, о пожарах не было слышно на Белгородчине, которая, как известно, отличается высоким уровнем сельскохозяйственного производства. Так что выводы напрашиваются достаточно простые: территория горела там, где деревню, по словам известного русского писателя, нашего земляка Владимира Личутина, «…сталкивают в пропасть» .

Послужат ли УРОКИ нынешнего лета для власти? Боюсь, что нет. Готовящийся перевод в «автономное плавание» учреждений здравоохранения, образования, культуры… может стать для русской деревни новым, сейчас уже в переносном смысле «пожаром» сельской социальной инфраструктуры.

УВЕКОВЕЧИТЬ ИМЯ ИСТОРИКА

Как всегда, при встрече с книгами Евгения Ивановича - аншлаг

Последние годы известный не только в Архангельской области, но и далеко за ее пределами историк, писатель Евгений Иванович Овсянкин отмечал свои дни рождения в библиотеке Добролюбова, организуя презентацию своих новых книг. 28 октября этого года Евгению Ивановичу исполнилось бы 83 года. Сохраняя прервать традицию, его друзья, историки, краеведы, члены общества «Норд», архангелогородцы в этот день вновь собрались в актовом зале «Добролюбовки», чтобы вспомнить историка земли Поморской. Большой актовый зал был полным. Присутствовали родственники Евгений Ивановича, делегация из Шенкурска. Презентовали новую книгу «Тихая моя Родина», которую Евгений Иванович посвятил истории своей малой родины — бывшей Тарнянской волости Шенкурского уезда. Но разговор пошел в русле сохранения имени историка для потомков, много сделавшего для того, чтобы мы гордились своей малой родиной.

Слово брали люди, которые хорошо знали Евгения Ивановича. Среди выступающих были его брат Виктор Иванович, председатель общества «Норд» и издатель книг С. Клочев, другой издатель основных произведений Е.И. Овсянкина «Архангельск купеческий», «Имена Архангельских улиц» В.А. Губин, ректор С(А)ФУ Е.В. Кудряшова, мэр города Архангельска В.Н. Павленко, глава Шенкурского района В.А Минин. Вел встречу профессор О.В. Овчинников. В результате были выработаны предложения по увековечиванию имени писателя, историка, ученого и общественного деятеля: установить мемориальную доску, ввести стипендию имени Е.И. Овсянкина в С(А)ФУ и педколледже, выпустить собрание сочинений, назвать его именем библиотеку, и назвать (не переименовать — Евгений Иванович не любил процесс переименований улиц) новую, или еще безымянную площадь, переулок или улицу. Учреждена специальная премия за лучшую краеведческую книгу при вручении премии «Чаша раздумий».

По увековечиванию памяти Е.И. Овсянкина под эгидой общества «Норд» создан общественный комитет, который разослал письма с высказанными предложениями во все заинтересованные инстанции.

КАРЬЯЛАЙНЕН Валерий Григорьевич *- краевед, член общества «Норд», постоянный читатель и автор нашего журнала.*

СТАРИННЫЙ ВЕСОВОЙ ПРИБОР

Осенью этого года в одной из деревень Холмогорского района приобрел старинный весовой прибор - безмен. Прежний владелец был без работы и нуждался в деньгах, поэтому и продал безмен. Сторговались за 1100 рублей.

Многое утрачено из прежней жизни. Современники, как и я, взяв в руки старинный безмен, едва ли знают, как с ним обращались. Решив восполнить пробел в знаниях, я обратился к книгам, и вот что удалось выяснить.

Первый том толкового словаря В.И. Даля дает объяснение слову безмен: «ручные весы с неравным рычагом и подвижною опорною точкой. Метки на безмене показывают сперва доли фунта (четверти, а иногда и осьмушки), потом целые фунты, до 10; затем по 2 фунта, до 20, по пяти фунтов, до 40; далее, где идет еще счет, десятками. Вес на безмене не точен, почему он у нас в торговле запрещен…»

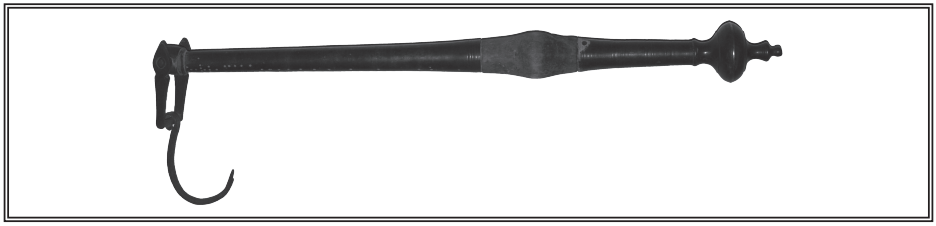
Приобретенный в Холмогорском районе весовой прибор был изготовлен в Вологодской губернии примерно в 1800-1850 гг. и предназначался для применения в быту. Он представляет собой деревянный стержень с грузом, изготовленным из латуни, на одном конце и подвижным крюком - на другом (см. фото).

Весовая шкала представляет из себя ряд высверленных отверстий. Длина безмена 60 см.

Безмен имеет двойное название- «русский» или «скандинавский». Он применялся в деревнях до середины 50-х годов 20 столетия. На нем хорошо видны точки-метки.

Вес определялся в фунтах (1 фунт равен 405,9 гр.).

Взвешивание производилось следующим образом: веревочную петлю перемещали по стержню, на котором находились метки. По мере равновесия безмена по меткам –точкам высчитывали вес.



Безмен

Таблица калибровки безмена, которой пользовались при взвешивании

Обозначение на безмене	*	* *	* * *	*	*	*	*	* * *	*	*	*	*	*	* *
Масса в фунтах	1	1 1/2	1 2/3	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13

В Древней Руси использование безмена с переменной точкой опоры было запрещено указом Павла I двести тринадцать лет назад (в 1797 году) – по «способности к обману».

РАЗВЛЕЧЕНИЯ СОЛОМБАЛЬЦЕВ В ПРОШЛОМ ВЕКЕ

В начале XX в. на окраине Архангельска, в Соломбале, жизнь протекала тихо и скучно. Но по количеству рюмочных и пивных Соломбала не отставала от центра города. Поэтому нередко по улицам Соломбалы бродили пьяные матросы. Район на окраине Соломбалы, в котором жил рабочий люд, назывался Кривая Яма. И какие, кроме рюмочных, были развлечения?

В начале XX века появился кинематограф. На набережной Северной Двины, в непрезентабельном сарайчике, открывается кинотеатр «Марс». Это была радость для работяг и их детишек. Но этот «очаг» культуры был настолько плох, что вскоре его название соломбальцы стали читать наоборот.

Был в Соломбале еще и частный музей, о котором надо рассказать особо. Его организовал живший в собственном доме на соломбальской набережной купец первой гильдии Э. Шмидт, отчего улица Шестой проспект получила название Датской. (Шмидты - выходцы из Дании, современное название - улица Кедрова). Основное занятие Э. Шмидта - руководство доставшейся в наследство фирмой отца «Г. Шмидт» и торговля корабельными принадлежностями. Однако было у него еще одно хобби и бизнес одновременно. Имея небольшой флот, он «грабил тонувшие в Белом море суда под предлогом спасения их»[1]. Шмидт был тщеславным человеком. Чтобы подчеркнуть свое благородство, он в Соломбале соорудил небольшой музей. Маленький домик сплошь был заставлен досками с названиями судов, которые канули в вечность.

Кроме посещения этого, как прозвали соломбальцы «музея воровских трофеев», у простого народа была еще одна забава — кулачные бои с соперниками с Кузнечихи. Как только на р. Кузнечихе вставал лед, две армии двигались одна на другую. В осатанелых схватках обе стороны находили удовольствие, показывая свою молодецкую силу.

С. Клочев

[1]Правда Севера, 1934, ноябрь, 7

Адрес редакции: *163000 г. Архангельск, ул. Поморская, д.34. E-mail:oookira@atnet.ru*
По вопросам рекламы обращаться по телефону 655-191
Компьютерная верстка: Маряев А.С.
Корректор: Пудышева Е.Г.
Фото на второй и четвертой страницах обложки из архива ДКПО «Норд», на 54 стр. С.Ю. Клочев
© - материалы, помеченные этим знаком, принадлежат редакции.
Принятые сокращения: АОКМ - Архангельский областной краеведческий музей

Журнал зарегистрирован Управлением федеральной службы по надзору в сфере связи информационных технологий и массовых коммуникаций по Архангельской области и НАО Свидетельство ПИ № ТУ 29-00113 от 24.08.2009
Отпечатано в типографии ООО «КИРА» 163000 г. Архангельск, ул. Поморская, д.34
Заказ № 316. Подписано к печати 20.11.2010.
Тираж 3000. Цена договорная.

Рукопись публикуется в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка на журнал «Известия Русского Севера» обязательна.
Рукописи не рецензируются. О возвращении рукописи автор заботится самостоятельно.

ISSN 2078-1407

Архангельский некрополь
www.arh-necropol.narod.ru

www.nord.pomorsu.ru
www.ookira.ru
Известия Русского Севера

интернет-портал
ПАТРИОТ ПОМОРЬЯ
www.patriot-pomor.ru

1

2

3

4

5

6

На фото: **1.** Оргкомитет по вручению премии "Чаша раздумий". 2008 г. **2.** Церемония вручения премии "Чаша раздумий". 2008 г. **3.** Восстановление старинного дома на ул. Поморская. 2004 г. **4.** Фруменковские чтения. 19.12.2007. **5.** День памяти С.Г. Писахова. 1996 г. **6.** Установка памятного креста силачу Ивану Лобанову 22.10.1995 г.